

Эрнест
ХЕМИНГУЭЙ

Полное собрание
рассказов
в одном томе

Все в одном томе

Эрнест Хемингуэй

Полное собрание рассказов

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Полное собрание рассказов / Э. М. Хемингуэй — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», — (Все в одном томе)

Широкое признание Эрнест Хемингуэй получил не только благодаря своим романам, но и многочисленным рассказам, затрагивающим тему войны, любви, героизма, самопожертвования... В издание вошли произведения из знаменитых сборников «В наше время», «Мужчины без женщин», «Победитель не получает ничего», а также произведения, опубликованные Хемингуэем в журналах и изданные в сборниках «Короткие рассказы», «Рассказы Ника Адамса» уже после его смерти, – это и отрывки незаконченных романов, и произведения в форме рассказа, положенные в основу некоторых законченных трудов автора. Многие из них публикуются в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Хемингуэй Э. М.
© ФТМ
© Издательство АСТ

Содержание

Три рассказа и десять стихотворений	6
В мичиганской глубинке	6
В наше время	9
Глава первая	9
Глава вторая	10
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	13
Глава шестая	14
Глава седьмая	15
Глава восьмая	16
Глава девятая	17
Глава десятая	18
Глава одиннадцатая	19
Глава двенадцатая	20
Глава тринадцатая	21
Глава четырнадцатая	22
Глава пятнадцатая	23
Глава шестнадцатая	24
Глава семнадцатая	25
Глава восемнадцатая	26
В наше время	27
В порту Смирны	27
Глава первая	29
Глава вторая	32
Глава третья	35
Глава четвертая	38
Глава пятая	45
Глава шестая	51
Глава седьмая	53
Глава восьмая	58
Глава девятая	59
Глава десятая	62
Глава одиннадцатая	65
Глава двенадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эрнест Хемингуэй

Полное собрание рассказов

ERNEST HEMINGWAY
THREE STORIES AND TEN POEMS
IN OUR TIME
MEN WITHOUT WOMEN WINNER TAKE NOTHING
THE FIFTH COLUMN AND THE FIRST FORTY-NINE STORIES
NICK ADAMS STORIES
SHORT STORIES

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1916, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1933, 1938, 1972, 1985, 1987

- © Перевод. В.А. Вебер, 2019
- © Перевод. И.Я. Доронина, 2019
- © Перевод. К.С. Егорова, 2019
- © Перевод. А.В. Санин, 2019
- © Перевод. С.Э. Таск, 2019
- © Перевод. Н.А. Волжина, наследники, 2019
- © Перевод. Н.Л. Дарузес, наследники, 2019
- © Перевод. М.Ф. Лорие, наследники, 2015
- © Перевод. Т.А. Озерская, наследники, 2019
- © Перевод. Р. Райт-Ковалева, наследники, 2019
- © Перевод. А.И. Старцев-Кунин, наследники, 2019
- © Перевод. В.М. Топер, наследники, 2019
- © Перевод. О.П. Холмская, наследники, 2019
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Три рассказа и десять стихотворений

В мичиганской глубинке

Джим Гилмор приехал в Хортонс-Бей из Канады. Купил кузницу у старика Хортонса. Невысокого роста, черноволосый, с большими руками и усами, он мастерски подковывал лошадей, но внешне не напоминал кузнеца, даже когда надевал кожаный фартук. Поселился он в комнате над кузницей, а столовался у Эй-Джей Смита.

Лиз Коутс прислуживала у Смитов. Миссис Смит, очень крупная, чистоплотная женщина, говорила, что не видела девушки опрятнее Лиз. Ноги красивые, передник в мелкую клетку всегда чистый, и Джим заметил, что волосы у нее никогда не выбиваются из прически. Ему нравилось ее лицо, всегда такое радостное, но он никогда не думал о ней.

А Лиз очень приглянулся Джим Гилмор. Ей доставляло удовольствие смотреть, как он идет из кузницы, и она часто подходила к двери кухни, поджидая, когда он появится на дороге. Ей нравились его усы. Нравилась его блестящая улыбка и то, что он не похож на кузнеца. Нравилось, что он так по душе Эй-Джей Смицу и миссис Смит. Однажды, когда он умывался над тазом во дворе, она заметила, что руки у него в черных волосах, а выше линии загара – белых. И смутилась, осознав, что это ей нравится.

Городок Хортонс-Бей, расположившийся на шоссе между Бойн-Сити и Шарльвуа, насчитывал всего пять домов, если не считать лавки и почты с высоким декоративным фасадом, перед которой обычно стоял чей-нибудь фургон: дом Смита, дом Страуда, Фокса, Хортонса и Ван Хусена. Дома окружала большая вязовая роща, и дорога проходила по сплошному песку. По обеим ее сторонам фермы чередовались с лесом. Сразу за городком у дороги находилась методистская церковь, а чуть не доезжая до него – городская школа. Кузница, выкрашенная в красный цвет, стояла напротив школы.

Песчаная лесная дорога через лес круто спускалась с холма к бухте. С заднего крыльца Смитов открывался отличный вид и на лес, который уходил к бухте и огибал ее, и на само озеро. Особенно красиво лес и озеро выглядели весной и летом, когда бухта ярко синела на солнце, а за мысом почти всегда белели барашки, вызванные ветром, дувшим со стороны Шарльвуа и с озера Мичиган. С заднего крыльца Смитов Лиз видела далеко от берега баржи с рудой, направляющиеся в Бойн-Сити. Когда она смотрела на них, они вроде бы были неподвижны, но если уходила в кухню, вытирала несколько тарелок и возвращалась на крыльцо, они уже успевали скрыться за мысом.

Лиз все время думала о Джиме Гилморе. Он как будто и не замечал ее. Разговаривал с Эй-Джей Смитом о своей кузнице, и о республиканской партии, и о Джеймсе Г. Блейне¹. По вечерам при свете лампы читал в гостиной толедскую «Блейд» и газету Грэнд-Рэпидса или с Эй-Джей Смитом в бухте бил рыбу острогой. Осенью они со Смитом и Чарли Уайменом взяли фургон, загрузили в него палатку, провизию, винтовки, топоры, двух собак и уехали на лесистую равнину за Вандербилтом охотиться на оленей. Лиз и миссис Смит четыре дня собирали им в дорогу еду. Лиз хотела приготовить для Джима что-нибудь повкусней, но так и не сделала этого, потому что боялась попросить у миссис Смит яиц и муки и боялась, что миссис Смит застанет ее за стряпней. Миссис Смит, вероятно, промолчала бы, но Лиз все равно боялась.

¹ Блейн, Джеймс Гиллеспи/ Blaine, James Gillespie (1830–1993) – американский политик-республиканец, член Палаты представителей, спикер Палаты представителей, сенатор США от штата Мэн и дважды госсекретарь США. Был кандидатом в президенты в 1884 году, но потерпел поражение с небольшим отрывом от демократа Гровера Кливленда.

Пока Джим охотился на оленей, Лиз все время думала о нем. Без него стало просто невозможно. Она почти не спала – так много думала о нем, но поняла, что думать о нем приятно. Ей становилось легче, когда она давала волю мыслям. Последнюю ночь перед возвращением мужчин она не спала вовсе, то есть она думала, что не спала, поскольку все перепуталось: то ей снилось, что она не спит, то она и в самом деле не спала. Завидев на дороге фургон, она ощутила слабость, и у нее засосало под ложечкой. Она не могла дожидаться этой встречи, ей казалось, едва он вернется, все образуется. Фургон остановился под высоким вязом; миссис Смит и Лиз вышли из дома. Все мужчины отрастили бороды, а в задней части фургона лежали три оленя, и их тонкие ноги торчали над бортом, как палки. Миссис Смит поцеловала Алонсо, он обнял ее. Джим поздоровался: «Привет, Лиз» – и улыбнулся. Лиз не знала, что именно должно произойти, когда приедет Джим, но чего-то ждала. Ничего не случилось. Мужчины вернулись домой – вот и все. Джим стянул с оленей холщовые мешки, и Лиз подошла посмотреть на животных. Одним из них был крупный самец. Он совсем заостенел, и его с трудом вытащили из фургона.

– Это ты его застрелил, Джим? – спросила Лиз.

– Я. А верно, красавец? – Джим взвалил оленя на спину и понес в копильню.

В тот вечер Чарли Уаймен остался у Смитов. Все решили, что возвращаться в Шарльвуа слишком поздно. Мужчины умылись и собрались в гостиной в ожидании ужина.

– Не осталось ли чего в том горшке, Джимми? – спросил Эй-Джей Смит. Джим пошел к фургону – его закатили в сарай – и достал глиняный горшок с виски, который они брали с собой на охоту. Горшок вмещал четыре галлона, и на дне еще плескалось порядочно. Джим отхлебнул виски, возвращаясь от сарая к дому. Пить из такого большого горшка не так-то просто. Немного виски пролилось на рубашку Джима. Мужчины заулыбались, когда он показался в дверях с горшком. Смит потребовал стаканы, и Лиз принесла их. Эй-Джей наполнил все три.

– За твоё здоровье, Эй-Джей, – поднял свой Чарли Уаймен.

– За твоего чертова большого оленя, Джимми, – откликнулся Эй-Джей.

– За всех оленей, которых нам не удалось подстрелить, – добавил Джим и выпил.

– Лучше для мужчины нет!

– В это время года – лекарство от всех болезней.

– Ну как, парни, еще по одной?

– Твое здоровье, Эй-Джей.

– За оленей.

– За следующую охоту.

Джим пребывал в превосходном настроении. Ему нравился и вкус виски, и ощущения, которые возникали после пары стаканчиков. Он радовался возвращению домой, где все было: удобная кровать, горячая еда, кузница. Он выпил еще виски. К столу мужчины явились навеселе, но держали себя достойно. Лиз подала ужин, а потом села за стол вместе с остальными. Ужин был хороший. Мужчины сосредоточенно ели. После ужина они опять перешли в гостиную, а Лиз и миссис Смит убрали со стола. После миссис Смит ушла к себе на второй этаж, и Смит скоро вышел на кухню и тоже поднялся наверх. Джим и Чарли еще оставались в гостиной. Лиз сидела в кухне у плиты, делая вид, что читает, и думала о Джиме. Ей не хотелось ложиться спать, ведь она знала, что Джим пройдет через кухню, и ждала, чтобы увидеть его снова.

Она непрерывно думала о Джиме, и тут он вышел на кухню. Глаза у него сияли, волосы слегка взлохматились. Лиз уставилась в книгу. Джим подошел к ее стулу сзади и остановился. Она слышала его дыхание, а потом он обнял ее. Груды Лиз напряглись и набухли, и соски отвердели под его пальцами. Лиз очень испугалась, ведь до сих пор никто к ней не притрагивался, но подумала: «Все-таки он пришел ко мне. Все-таки пришел».

Сердце ее сжималось от страха, и она не знала, что делать, а потом Джим крепко прижал ее к спинке стула и поцеловал. Ощущения были такие острые, жгучие, болезненные, что казалось – она этого не выдержит. Ощущать Джима за спиной было невыносимо, но потом внутри что-то шелкнуло, по телу разлилось мягкое тепло. Джим крепко и больно прижимал ее к стулу, но теперь она сама хотела этого, и Джим шепнул: «Пойдем прогуляемся».

Лиз сняла с гвоздя пальто, и они вышли из дома. Они то и дело останавливались, и Джим целовал и обнимал ее. Луны не было видно, они шли лесом, увязая по щиколотку в песке, к пристани и складам на берегу. Вода плескалась о сваи, по ту сторону бухты темнел мыс. Ночь выдалась холодной, но Лиз вся пылала, потому что Джим был рядом. Они сели под стеной склада, и Джим привлек ее к себе. Она боялась. Одной рукой Джим расстегнул платье и гладил грудь, другая лежала у нее на коленях. Страх нарастал от незнания того, что он собирается делать, но Лиз придвинулась к нему ближе. Потом рука, тяжело лежавшая у нее на коленях, соскользнула и стала продвигаться выше.

– Не надо, Джим, – прошептала Лиз.

Рука двинулась дальше.

– Нельзя, Джим, нельзя. – Но Джим не слушал ее.

Она почувствовала под собой жесткие доски. Джим задрал ей платье и пытался что-то с ней сделать. Она боялась, но в то же время хотела этого.

– Нельзя этого делать, Джим. Нельзя.

– Нет, можно. Я хочу. Ты сама знаешь.

– Нет, Джим, не надо. Нельзя. Это нехорошо. Ой, это больно. Не смей! Ой, Джим. Джим.

Ох.

Они лежали на жестких, шершавых и холодных досках пристани. Все тело затекло. Лиз попыталась столкнуть с себя спящего Джима, но не смогла. Кое-как выбравшись из-под него, она оправила юбку и пальто и наспех причесалась. Джим спал с приоткрытым ртом. Лиз наклонилась и поцеловала его в щеку. Он не проснулся. Она приподняла его голову и потрясла ее. Голова скатилась набок, он сглотнул слюну. Лиз заплакала. Подошла к краю пристани и посмотрела в воду. С поверхности поднимался туман. Лиз стало холодно и тоскливо, и она почувствовала, что все кончилось. Вернулась туда, где лежал Джим, и потрепала его за плечо. Она все плакала.

– Джим, – позвала она. – Джим. Ну, пожалуйста, Джим.

Джим пошевелился и свернулся поудобнее. Лиз сняла пальто и укрыла Джима, заботливо и аккуратно подоткнув со всех сторон. Потом пошла через пристань по крутой песчаной дороге домой, спать. Со стороны бухты между деревьями напознал холодный туман.

В наше время (1924)

*Эта книга
с благодарностью посвящается
РОБЕРТУ МАКЭЛМОНУ И УИЛЬЯМУ БЕРДУ,
парижским издателям,
и
капитану ЭРИКУ ЭДВАРДУ ДОРМАНУ-СМИТУ,
кавалеру Военного креста,
Его Величества пятой стрелковой дивизии*

Глава первая

Все напились. Пьяная батарея продвигалась по дороге в темноте. Мы направлялись в Шампань. Лейтенант то и дело гнал коня в поле и твердил ему: «Я пьян, говорю тебе, *mon vieux*². Ох, как же я набрался». Всю ночь мы ехали по дороге в темноте, и адъютант, когда оказывался рядом с моей кухней, твердил: «Ты должен его погасить. Это опасно. Нас могут заметить». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанта тревожил огонь в моей кухне. Забавным выдался тот марш-бросок. Случилось это, когда я был старшим по кухне.

² Страница (фр.).

Глава вторая

Первому матадору рог угодил в руку с мечом, и толпа, улюлюкая, прогнала его. Второй матадор поскользнулся, и бык рогом пропорол ему живот, и он схватился за рог одной рукой, а другой зажимал рану, и бык ударил его о стену, и рог вышел из раны, и он лежал на песке, а потом поднялся, шатаясь, словно пьяный, и сопротивлялся людям, уносившим его, и кричал, чтобы ему дали шпагу, но потерял сознание. Вышел мальчишка, и ему пришлось убивать пять быков, потому что больше трех матадоров не полагалось, и перед последним быком он уже так устал, что никак не мог направить шпагу. Он едва мог поднять руку. Он пытался прицелиться пять раз, и толпа молчала, потому что бык был хороший, и взять верх могли оба, и, наконец, он нанес удар. Потом сел на песок, и его вырвало, и его прикрыли плащом, а толпа ревела и швыряла на арену все, что попадалось под руку.

Глава третья

За топкой низиной виднелись сквозь дождь торчащие над Адрианополем минареты. Вереница телег растянулась на все тридцать миль дороги на Карагач. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Только телеги, груженные скарбом. Старики и женщины, промокшие насквозь, шли рядом, подгоняя скотину. Марица, пожелтевшая, поднялась чуть ли не вровень с мостом. Телеги сплошь забили его, и верблюды, покачиваясь, двигались вместе с ними. Греческая кавалерия направляла колонну. На телегах среди матрацев, зеркал, швейных машин и узлов сидели женщины с детьми. Какая-то женщина рожала, и молоденькая девушка держала над ней одеяло и плакала. От одного взгляда на них становилось страшно. Дождь лил все время, пока продолжалась эвакуация.

Глава четвертая

Мы находились в каком-то саду в Монсе. Юный Бакли вернулся со своим патрулем с другого берега реки. Первый немец, которого я увидел, залезал на стену, которой был обнесен сад. Мы дождались, когда он перекинет ногу, а потом завалили его. Обвешанный амуницией, он выглядел очень удивленным и рухнул в сад. Еще трое перелезали через стену чуть дальше. Их мы тоже подстрелили. Они все свалились в сад.

Глава пятая

День выдался обжигающе жарким. Мы соорудили на мосту просто бесподобную баррикаду. Баррикада получилась что надо. Большая, старая кованая чугунная решетка, раньше стоявшая перед домом. Такая тяжелая, что с места не сдвинуть, и мы могли стрелять сквозь нее, и им пришлось бы на нее карабкаться. Потрясающая баррикада. Они попытались перебраться через нее, и мы расстреливали их с расстояния в сорок ярдов. Они бросались на нее, и потом офицеры пошли одни и попытались свалить. Мы построили идеальную, совершенную преграду. Их офицеры держались великолепно. Мы ужасно расстроились, когда стало известно, что они прорвали фланг и нам придется отступить.

Глава шестая

Шестерых министров правительства в половине седьмого утра расстреляли у стены больницы. Во дворе стояли лужи. Мокрые опавшие листья налипли на брусчатку двора. Лил дождь. Все ставни на окнах больницы были наглухо закрыты. Один министр болел тифом. Двое солдат снесли его вниз и под дождь. Они пытались поставить его у стены, но он сползал в лужу дождевой воды. Остальные пятеро спокойно стояли у стены. Наконец офицер сказал солдатам, что поднимать его на ноги – пустая затея. При первом залпе он сидел в луже, уронив голову на колени.

Глава седьмая

Ник сидел, привалившись к стене церкви, куда его притащили с улицы, чтобы укрыть от пулеметного огня. Ноги его неестественно торчали. Пулей задело позвоночник. Грязное лицо блестело от пота. Солнце светило в глаза. День выдался очень жарким. Ринальди, выставив широкую спину, ничком лежал у стены среди разбросанной амуниции. Ник блестящими глазами смотрел прямо перед собой. Розовая стена дома напротив рухнула, отвалившись от крыши, и над улицей повисла искореженная железная кровать. В тени дома, на груде щебня, лежали два убитых австрийца. Другие убитые – дальше по улице. Бой в городе продолжался. Все шло хорошо. Санитары могли появиться в любой момент. Ник осторожно повернул голову и посмотрел вниз, на Ринальди. «Senta³, Ринальди, senta. Мы оба заключили сепаратный мир. – Ринальди неподвижно лежал под лучами солнца и тяжело дышал. – Мы с тобой не патриоты». Ник перевел взгляд на дом напротив, насилу улыбнувшись. Ринальди в собеседники не годился.

³ Послушай (*иск. шт.*).

Глава восьмая

Пока артиллерийские снаряды рвали в клочья окоп в Фоссальте, он лежал, прижимаясь к земле, потая, и молясь Иисусу Христу: «Дорогой Иисус, пожалуйста, вытащи меня отсюда. Христос, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Христос. Если ты убережешь меня от того, что меня убьют, я сделаю все, как ты велишь. Я верю в тебя и скажу всем и каждому на этом свете, что ты единственный, в кого нужно верить. Пожалуйста, пожалуйста, дорогой Иисус». Артподготовка сместилась в глубину. Мы начали восстанавливать окоп, и утром взошло солнце, и день выдался теплым, и светлым, и спокойным. Следующим вечером, вернувшись в Местре, он ничего не сказал об Иисусе той девушке, с которой поднялся наверх в «Вилла Росса». И никогда никому не говорил.

Глава девятая

В два часа ночи двое венгров забрались в табачную лавку на углу Пятнадцатой улицы и Гранд-авеню. Древитс и Бойл приехали туда в «форде» из полицейского участка на Пятнадцатой улице. Грузовик венгров как раз выезжал задним ходом из проулка. Бойл застрелил сначала сидевшего в кабине, потом – того, который был в грузовике. Древитс испугался, когда увидел, что они убиты наповал.

– Черт, Джимми, – вырвалось у него. – Что же ты наделал! Из-за них теперь такой шум поднимется!

– Они же воры, так? – спросил Бойл. – Они итальяшки, так? Кто будет поднимать из-за них шум?

– Ну, может, на этот раз сойдет, – согласился Древитс, – но откуда ты знал, что они итальяшки, когда стрелял в них?

– Они итальяшки, – уверенно заявил Бойл. – Я итальяшек за милю чую.

Глава десятая

Одним жарким вечером в Милане они вынесли его на крышу, откуда он мог смотреть вдаль, поверх крыш городских домов. В небе летали печные иглохвосты. Скоро стемнело, и зажглись прожекторы. Остальные ушли вниз и несли с собой бутылки. Он и Эг слышали их голоса внизу, на балконе. Эг присела на кровать, свежую и прохладную в жаркой ночи.

Эг уже три месяца дежурила по ночам. В этом ей охотно шли навстречу. Она сама готовила его к операции; и они придумали веселую шутку насчет подружки и кружки. Когда ему давали наркоз, он старался максимально долго не потерять контроля над собой, чтобы не наговорить лишнего в бреду. Как только ему разрешили передвигаться на костылях, он принялся сам разносить термометры, чтобы Эг могла не вставать с его кровати. Раненых было мало, и они знали обо всех. И все любили Эг. На обратном пути, проходя по коридору, он думал о том, что Эг лежит в его постели.

Когда пришло время возвращаться на фронт, они пошли в Duomo⁴ и помолились. В тишине и сумраке. Кроме них были и другие молящиеся. Они хотели пожениться, но времени для публичного оглашения предстоящего бракосочетания было слишком мало, и потом, у них не было свидетельств о рождении. Они чувствовали себя мужем и женой, и им хотелось, чтобы все знали об этом, но утратить того крепко их связывающего чувства не хотели.

Эг писала ему много писем, но получил он их только после перемирия, на фронте. Все пятнадцать, разложил по числам и разом прочел. В них она рассказывала о госпитале и о том, как сильно она его любит, и жить без него не может, и как тоскует по ночам.

После перемирия они решили, что он поедет домой и будет искать работу, чтобы они могли пожениться. Эг не собиралась возвращаться до тех пор, пока он не получит хорошую работу и сможет встретить ее в Нью-Йорке. Это означало, что он не должен пить, не будет встречаться ни с кем из своих приятелей и вообще ни с кем в Штатах. Прежде всего – найти работу и пожениться.

В поезде из Падуи в Милан они поссорились из-за того, что она не хотела сразу же ехать домой. На Миланском вокзале, когда пришло время прощаться, они поцеловались, но ссора еще не забылась. Его огорчало, что они так нехорошо расстались.

В Америку он отплыл из Генуи. Эг поехала в Торре-ди-Моста, где открывался новый госпиталь. Там ее встретили дождь и одиночество, и в городе квартировал батальон *arditi*⁵. Коротая зиму в этом грязном, дождливом городишке, майор батальона стал ухаживать за Эг. Раньше у нее не было знакомых итальянцев, и, в конце концов, она написала в Штаты, что их любовь была всего лишь детским увлечением. Она была огорчена, что он, вероятно, не поймет ее, но, быть может, когда-нибудь простит и будет ей благодарен, а теперь она совершенно неожиданно для себя собирается весной выйти замуж. Она по-прежнему любит его, но ей теперь ясно, что это только детская любовь. Она надеется, что его ждет отличная карьера, и абсолютно верит в него. Она знает, что все это к лучшему.

Майор не женился на ней ни весной, ни позже. Из Чикаго Эг так и не получила ответа на свое письмо. А он вскоре заразился гонореей от продавщицы из «Фэр»⁶, катаясь в такси по Линкольн-парку.

⁴ Собор (*ит.*).

⁵ Храбрецы (*ит.*).

⁶ «Фэр/Fair Store» – известный в Чикаго универмаг-дискаунтер. Открылся в 1874 г.

Глава одиннадцатая

В 1919 году он путешествовал по железным дорогам Италии с квадратным куском клеенки из штаб-квартиры партии, исписанным химическим карандашом. Там указывалось, что он – товарищ, сильно пострадавший от белых в Будапеште⁷, и предлагалось всем товарищам оказывать ему всемерное содействие. Этот кусок клеенки он использовал вместо железнодорожного билета. Очень застенчивого, совсем юного, проводники передавали его из одной бригады в другую. Денег у него не было, поэтому кормили его из-под прилавка станционных буфетов.

В Италии ему нравилось. Прекрасная страна, говорил он. И люди такие добрые. Он побывал во многих городах, неустанно бродил везде, смотрел картины. Покупал репродукции Джотто, Мазаччо и Пьеро делла Франчески и носил их завернутыми в номер «Аванти»⁸. Мантенью⁹ не любил.

В Болонье он прибыл в местную организацию, и я взял его с собой в Романью, куда мне требовалось поехать, чтобы свидеться с одним человеком. Поездка удалась. Стоял сентябрь, погода, как обычно, радовала. Он был венгром, очень милым и очень застенчивым. Хортисты¹⁰ обошлись с ним крайне жестоко. Говорил он об этом мало. Несмотря на случившееся в Венгрии, свято верил в мировую революцию.

– Как обстоят дела с движением в Италии? – спросил он.

– Очень плохо, – ответил я.

– Но все изменится к лучшему, – улыбнулся он. – У вас есть все для этого. Это единственная страна, в которой можно быть уверенным. Здесь будет отправная точка.

На это я ничего не ответил.

В Болонье мы попрощались. Он поехал на поезде в Милан, а потом в Аосту, чтобы через перевал попасть в Швейцарию. Я рассказал ему о работах Мантеньи, которые можно посмотреть в Милане. «Нет», – ответил он смущенно, он не любил Мантенью. Я написал ему, где в Милане можно поесть, и дал адреса товарищей. Он тепло меня поблагодарил, но в мыслях уже шагал через перевал. Очень хотел миновать его, пока стояла хорошая погода. Последнее, что я слышал о нем, меня не обрадовало: швейцарцы посадили его в тюрьму под Сьоном.

⁷ Венгерская советская республика просуществовала с 21 марта по 1 августа 1919 г.

⁸ «Аванти / Avanti» – итальянская газета, издается с 25 декабря 1896 г. Изначально создавалась как центральный орган Итальянской объединенной социалистической партии. В 1912–1914 гг. главным редактором газеты являлся Бенито Муссолини.

⁹ Мантенья, Андреа / Andrea Mantegna (ок. 1431–1506) – художник, в отличие от большинства других классиков итальянского Ренессанса, писал в жесткой и резкой манере.

¹⁰ Хорти, Миклош / Horthy, Miklós (1868–1957), – правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг., адмирал. Разгромил Венгерскую советскую республику.

Глава двенадцатая

Белого коня хлестали по ногам, пока он не поднялся на колени. Пикадор расправил стремена, подтянул подпругу и вскочил в седло. Внутренности коня висели синеватым клубком и болтались взад и вперед, когда он пустился вскачь, подгоняемый топорос¹¹, которые били его сзади по ногам прутьями. Судорожным галопом он проскакал вдоль стены. Потом резко остановился, и один из топоросов взял его под уздцы и повел вперед. Пикадор вонзил шпоры, пригнулся и погрозил быку пикой. Кровь била из раны между передними ногами коня. Он дрожал и шатался. Бык никак не мог решить, стоит ли ему нападать.

¹¹ Помощники матадора (*исп.*).

Глава тринадцатая

Толпа все время кричала и бросала на арену корки хлеба, а потом подушки и кожаные фляжки, не переставая свистеть и улюлюкать. В конце концов бык устал от стольких неточных ударов, подогнул колени и лег на песок, и один из cuadrilla¹² склонился над ним и убил его ударом puntillo¹³. Толпа бросилась через ограду и окружила матадора, и два человека схватили его и держали, и кто-то отрезал ему косичку и размахивал ею, а потом один из мальчишек схватил ее и убежал. Потом я видел матадора в кафе. Маленького роста, смуглолицего и изрядно пьяного. Он говорил: «В конце концов, такое не раз случалось. Если на то пошло, я не такой хороший тореро».

¹² В корриде команда матадора, члены которой помогают ему во время боя быков (*исп.*).

¹³ Кинжал, которым приканчивают быка (*исп.*).

Глава четырнадцатая

Если это происходило близко от ограды и прямо напротив вас, вы хорошо видели, как Вильялта дразнит и клянет быка, и когда тот кидался, Вильялта, не трогаясь с места, отклонялся назад, точно дуб при порыве ветра, плотно сдвинув ноги, низко опустив мулету, и шпага пряталась за ней, повторяя ее движения. Потом он клял быка, хлопал перед ним мулетой и снова, когда бык кидался, не трогаясь с места, поднимал мулету и, отклонившись назад, описывал ею дугу, и каждый раз толпа ревела от восторга.

Когда наступало время для завершающего удара, все происходило в одно мгновение. Разъяренный бык, стоя прямо против Вильялты, не спускал с него глаз. Вильялта одним движением выхватывал шпагу из складок мулеты и, нацелив ее, кричал быку: «Торо! Торо!» – и бык кидался, и Вильялта кидался, и на один миг они становились одним целым. Вильялта сливался с быком, и на том все заканчивалось. Вильялта опять стоял прямо, и красная рукоятка шпаги торчала между плечами быка. Вильялта поднимал руку, приветствуя толпу, а бык ревел, захлебываясь кровью, глядя прямо на Вильялту, и ноги его подкашивались.

Глава пятнадцатая

Я услышал приближающийся бой барабанов, который доносился с улицы, а потом рожки и дудки, а потом они повалили из-за угла, и все плясали, запрудив всю улицу. Маэра увидел его, а потом и я. Когда музыка умолкла и танцоры присели на корточки, он присел вместе со всеми, а когда музыка снова заиграла, он подпрыгнул и пошел, приплясывая, вместе с ними по улице. Понятно, что пьяный.

Спустись ты к нему, предложил Маэра, меня он ненавидит.

Я спустился вниз, и нагнал их, и схватил его за плечо, пока он сидел на корточках, дожидаясь, когда музыка зазвучит вновь, чтобы вскочить, и сказал: идем, Луис. Побойся бога, тебе сегодня выходить на арену. Он не слушал меня. Он все слушал, не заиграет ли музыка.

Я настаивал: не валяй дурака, Луис. Идем в отель.

Тут музыка снова заиграла, и он подпрыгнул, увернулся от меня и пустился в пляс. Я схватил его за руку, а он вырвался и крикнул: да оставь ты меня в покое. Нашелся папаша.

Я вернулся в отель, а Маэра стоял на балконе и смотрел, веду я его или нет. Увидев меня, он вошел в комнату и спустился вниз взбешенный.

В сущности, сказал я, он просто неотесанный мексиканский дикарь.

Да, согласился Маэра, а кто будет убивать его быков, после того как его поднимут на рога?

Мы, надо полагать, ответил я.

Да, мы, кивнул Маэра. Мы будем убивать быков за них, и за дикарей, и за пьяниц, и за танцоров. Да. Мы будем их убивать. Конечно, мы будем их убивать. Да. Да. Да.

Глава шестнадцатая

Маэра лежал неподвижно, уткнувшись лицом в песок, закрыв голову руками. От крови под ним все стало теплым и липким. Он всякий раз чувствовал приближение рога. Иногда бык только толкал его головой. Однажды рог прошел сквозь его тело и воткнулся в песок. Кто-то схватил быка за хвост. Все кричали на быка и махали плащом перед его мордой. Потом бык исчез. Какие-то люди подняли Маэру и бегом пронесли его по арене к ограде, потом через ворота, кругом по проходу под трибунами, в лазарет. Маэру положили на койку, и кто-то пошел за доктором. Остальные столпились возле койки. Доктор прибежал прямо из коралля, где зашивал животы лошадям пикадоров. Ему пришлось сперва вымыть руки. Сверху, с трибун, доносился рев толпы. Маэра почувствовал, что все вокруг увеличивается и увеличивается, а потом уменьшается и уменьшается. Потом опять увеличивается, увеличивается и увеличивается, и снова уменьшается и уменьшается. Вдруг все побежало мимо, быстрее и быстрее, — как при перемотке киноплёнки. И он умер.

Глава семнадцатая

Сэма Кардинелью повесили в шесть часов утра в коридоре окружной тюрьмы. Высоком и узком, с камерами по обе стороны. И ни одна не пустовала. Осужденных привезли сюда, чтобы повесить. Пятеро приговоренных к повешению находились в первых пяти камерах. Среди них – трое негров. Они очень боялись. Один белый сидел на койке, опустив голову на руки. Другой лежал, вытянувшись на койке, закутав голову в одеяло.

К виселице они вышли через дверь в стене. Шестеро или семеро, считая обоих священников. Сэма Кардинелью пришлось нести. В таком состоянии он пребывал с четырех часов утра.

Когда ему связывали ноги, два надзирателя поддерживали его, а оба священника что-то шептали ему на ухо.

– Будь мужчиной, сын мой, – говорил один.

Когда к нему подошли, чтобы надеть ему на голову капюшон, у Сэма Кардинельи началось недержание кала. Надзиратели с отвращением бросили его.

– Как насчет стула, Билл? – спросил один из надзирателей.

– Лучше принести, – ответил какой-то человек в котелке.

Когда все отступили за спускной люк, очень тяжелый, из дуба и стали, который откидывался, поворачиваясь на шарикоподшипниках, на нем остался Сэм Кардинелья, сидевший на стуле, крепко связанный: младший из священников стоял рядом с ним на коленях. Он отпрыгнул на помост в самую последнюю секунду перед тем, как откинули люк.

Глава восемнадцатая

Король работал в саду. Казалось, он очень мне обрадовался. Мы прошли по саду. Вот королева, указал он. Королева подрезала розовый куст. Добрый день, поздоровалась она. Мы сели за стол под большим деревом, и король велел принести виски и содовой. Хороший виски у нас пока еще есть, признался мне король. Сказал, что революционный комитет не разрешает ему покидать территорию дворца. Пластирас¹⁴, по-видимому, порядочный человек, отметил король, но ладить с ним нелегко. Я думаю, он правильно сделал, расстреляв этих молодцов. Если бы Керенский расстрелял кое-кого, все могло пойти совсем по-другому. Конечно, в таких делах самое главное – чтобы тебя самого не расстреляли!

Мы очень весело провели время. Долго разговаривали. Как все греки, король хотел попасть в Америку.

¹⁴ Пластирас, Николаос (1883–1953) – военный и политический деятель Греции, генерал. После поражения Греции в войне с Турцией вместе с другими офицерами устроил переворот против короля Греции Константина I и его правительства.

В наше время

Посвящается

ХЭДЛИ РИЧАРДСОН ХЕМИНГУЭЙ

Девушка в Чикаго: «Расскажи нам о французских женщинах, Хэнк. Какие они?»

Билл Смит: «Сколько лет французским женщинам, Хэнк?»

В порту Смирны

Очень удивительно, сказал он, что кричат они всегда в полночь. Не знаю, почему они кричали именно в этот час. Мы были в гавани, а они все на молу, и в полночь они начинали кричать. Чтобы успокоить их, мы наводили на них прожектор. Это действовало без отказа. Мы раза два освещали мол из конца в конец, и они утихали.

Однажды, когда я был начальником команды, работавшей на молу, ко мне подошел турецкий офицер и, задыхаясь от ярости, заявил, что наш матрос нагло оскорбил его. Я заверил его, что матрос будет отправлен на борт и строго наказан. Я попросил указать мне виновного. Он указал на одного безобиднейшего парня из орудийного расчета. Повторил, что тот нагло оскорбил его, и не единожды, а много раз; говорил же он со мной через переводчика. Мне не верилось, что матрос мог так хорошо знать турецкий язык, чтобы сказать что-нибудь оскорбительное. Я вызвал его и сказал:

– Это на случай, если ты разговаривал с кем-нибудь из турецких офицеров.

– Я ни с одним из них не разговаривал, сэр.

– Не сомневаюсь, – сказал я, – но ты все-таки ступай на корабль и до завтра не сходи на берег.

Потом я сообщил турку, что матрос отправлен на корабль, где его ждет суровое наказание. Можно сказать – жестокое. Он чрезвычайно обрадовался, и мы дружески разговорились. Хуже всего, сказал он, – это женщины с мертвыми детьми.

Невозможно было уговорить женщин отдать своих мертвых детей. Иногда они держали их на руках по шесть дней. Ни за что не отдавали. Мы ничего не могли поделать. Приходилось в конце концов отнимать их. И еще я видел старуху – необыкновенно странный случай. Я говорил о нем одному врачу, и он сказал, что я это выдумал. Мы очищали мол, и нужно было убрать мертвых, а старуха лежала на каких-то самодельных носилках. Мне сказали: «Хотите посмотреть на нее, сэр?» Я посмотрел, и в ту же минуту она умерла и сразу окоченела. Ноги ее согнулись, туловище приподнялось, и так она и застыла. Как будто с вечера лежала мертвая. Она была совсем мертвая и негнушавшаяся. Когда я рассказал доктору про старуху, он заявил, что этого быть не может.

Все они теснились на молу, но не так, как бывает во время землетрясения или в подобных случаях, потому что они не знали, что придумает старый турок. Они не знали, что он может сделать. Помню, как нам запретили входить в гавань для очистки мола от трупов. В то утро у входа в гавань мне было очень страшно. Орудий у него хватало, и ему ничего не стоило выкинуть нас вон. Мы решили войти, подтянуться вплотную к молу, бросить оба якоря и открыть огонь по турецкой части города. Они выкинули бы нас вон, но мы разнесли бы город. Когда мы вошли в гавань, они обстреляли нас холостыми зарядами. Кемаль прибыл в порт и сместил турецкого коменданта. За превышение власти или что-то в этом духе. Слишком много взял на себя. Могла бы выйти прескверная история.

Трудно забыть набережную Смирны. Чего только не плавало в ее водах! Впервые в жизни я дошел до того, что такое снилось мне по ночам.

Рожавшие женщины – это было не так страшно, как женщины с мертвыми детьми. А рожали многие. Удивительно, что так мало из них умерло. Их просто накрывали чем-нибудь и оставляли. Они всегда забирались в самый темный угол трюма и там рожали. Как только их вводили с мола, они уже ничего не боялись.

Греки тоже оказались милейшими людьми. Когда они уходили из Смирны, они не могли увезти с собой своих вьючных животных, поэтому они просто перебили им передние ноги и столкнули с пристани в мелкую воду. И все мулы с перебитыми ногами барахтались в мелкой воде. Веселое получилось зрелище. Куда уж веселей.

Глава первая

Все были пьяны. Пьяна была вся батарея, в темноте двигавшаяся по дороге. Мы двигались по направлению к Шампани. Лейтенант то и дело сворачивал с дороги в поле и говорил своей лошади: «Я пьян, топ vieux¹⁵, я здорово пьян. Ох! Ну и накачался же я». Мы шли в темноте по дороге всю ночь, и адъютант то и дело подъезжал к моей кухне и твердил: «Затуши огонь. Опасно. Нас заметят». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанту не давал покоя огонь моей кухни. Чудно было идти по этой дороге. Я в то время был старшим по кухне.

Индийский поселок

На озере у берега была причалена чужая лодка. Возле стояли два индейца, ожидая.

Ник с отцом перешли на корму, индейцы оттолкнули лодку, и один из них сел на весла. Дядя Джордж сел на корму другой лодки. Молодой индеец столкнул ее в воду и тоже сел на весла.

Обе лодки отплыли в темноте. Ник слышал скрип уключин другой лодки далеко впереди, в тумане. Индейцы гребли короткими, резкими рывками. Ник прислонился к отцу, тот обнял его за плечи. На воде было холодно. Индеец греб изо всех сил, но другая лодка все время шла впереди в тумане.

– Куда мы едем, папа? – спросил Ник.

– На ту сторону, в индийский поселок. Там одна индианка тяжело больна.

– А... – сказал Ник.

Когда они добрались, другая лодка была уже на берегу. Дядя Джордж в темноте курил сигару. Молодой индеец вытащил их лодку на песок. Дядя Джордж дал обоим индейцам по сигаре.

От берега они пошли лугом по траве, насквозь промокшей от росы; впереди молодой индеец нес фонарь. Затем вошли в лес и по тропинке выбрались на дорогу, уходившую вдаль, к холмам. На дороге было гораздо светлей, так как по обе стороны деревья были вырублены. Молодой индеец остановился и погасил фонарь, и они пошли дальше по дороге.

За поворотом на них с лаем выбежала собака. Впереди светились огни лачуг, где жили индейцы-корьевщики. Еще несколько собак кинулись на них. Индейцы прогнали собак назад, к лачугам.

В окне ближней лачуги светился огонь. В дверях стояла старуха, держа лампу. Внутри на деревянных нарах лежала молодая индианка. Она мучилась родами уже третьи сутки. Все старухи поселка собрались возле нее. Мужчины ушли подальше; они сидели и курили в темноте на дороге, где не было слышно ее криков. Она опять начала кричать, как раз в ту минуту, когда оба индейца и Ник вслед за отцом и дядей Джорджем вошли в барак. Она лежала на нижних нарах, живот ее горой поднимался под одеялом. Голова была повернута набок. На верхних нарах лежал ее муж. Три дня тому назад он сильно поранил ногу топором. Он курил трубку. В лачуге очень дурно пахло.

Отец Ника велел поставить воды на очаг и, пока она нагревалась, говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, – сказал он, – у этой женщины должен родиться ребенок.

– Я знаю, – сказал Ник.

– Ничего ты не знаешь, – сказал отец. – Слушай, что тебе говорят. То, что с ней сейчас происходит, называется родовые схватки. Ребенок хочет родиться, и она хочет, чтобы он

¹⁵ Старина (фр.).

родился. Все ее мышцы напрягаются для того, чтобы помочь ему родиться. Вот что происходит, когда она кричит.

– Понимаю, – сказал Ник.

В эту минуту женщина опять закричала.

– Ох, папа, – сказал Ник, – разве ты не можешь ей дать чего-нибудь, чтобы она не кричала?

– Со мной нет анестезирующих средств, – ответил отец. – Но ее крики не имеют значения. Я не слышу ее криков, потому что они не имеют значения.

На верхних нарах муж индианки повернулся лицом к стене. Другая женщина в кухне знаком показала доктору, что вода вскипела. Отец Ника прошел на кухню и половину воды из большого котла отлил в таз. В котел он положил какие-то инструменты, которые принес с собой завернутыми в носовой платок.

– Это должно прокипеть, – сказал он и, опустив руки в таз, стал тереть их мылом, принесенным с собой из лагеря.

Ник смотрел, как отец трет мылом то одну, то другую руку. Прodelывая это с большим старанием, отец одновременно говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, ребенку полагается идти головой вперед, но это не всегда так бывает. Когда это не так, он всем доставляет массу хлопот. Может быть, понадобится операция. Сейчас увидим.

Когда он убедился, что руки вымыты чисто, он прошел обратно в комнату и приступил к делу.

– Отверни одеяло, Джордж, – сказал он, – я не хочу к нему прикасаться.

Позже, когда началась операция, дядя Джордж и трое индейцев держали женщину. Она укусила дядю Джорджа за руку, и он сказал: «Ах, сукина дочь!» – и молодой индеец, который вез его через озеро, засмеялся. Ник держал таз. Все это тянулось очень долго.

Отец Ника подхватил ребенка, шлепнул его, чтобы вызвать дыхание, и передал старухе.

– Видишь, Ник, это мальчик, – сказал он. – Ну, как тебе нравится быть моим ассистентом?

– Ничего, – сказал Ник. Он смотрел в сторону, чтобы не видеть, что делает отец.

– Так. Ну, теперь все, – сказал отец и бросил что-то в таз.

Ник не смотрел туда.

– Ну, – сказал отец, – теперь только наложить швы. Можешь смотреть, Ник, или нет, как хочешь. Я сейчас буду зашивать разрез.

Ник не стал смотреть. Всякое любопытство у него давно пропало.

Отец кончил и выпрямился. Дядя Джордж и индейцы тоже поднялись. Ник отнес таз на кухню.

Дядя Джордж посмотрел на свою руку. Молодой индеец усмехнулся.

– Сейчас я тебе промою перекистью, Джордж, – сказал доктор.

Он наклонился над индианкой. Она теперь лежала совсем спокойно, с закрытыми глазами. Она была очень бледна. Она не признавала ни что с ее ребенком, ни что делается вокруг.

– Я приеду завтра, – сказал доктор. – Сиделка из Сент-Игнеса, наверно, будет здесь в полдень и привезет все, что нужно.

Он был возбужден и разговорчив, как футболист после удачного матча.

– Вот случай, о котором стоит написать в медицинский журнал, Джордж, – сказал он. – Кесарево сечение при помощи складного ножа и швы из девятифутовой вяленой жилы.

Дядя Джордж стоял, прислонившись к стене, и разглядывал свою руку.

– Ну еще бы, ты у нас знаменитый хирург, – сказал он.

– Надо взглянуть на счастливого отца. Им, пожалуй, всех хуже приходится при этих маленьких семейных событиях, – сказал отец Ника. – Хотя, должен сказать, он это перенес на редкость спокойно.

Он откинул одеяло с головы индейца. Рука его попала во что-то мокрое. Он стал на край нижней койки, держа в руках лампу, и заглянул вверх. Индеец лежал лицом к стене. Горло у него было перерезано от уха до уха. Кровь лужей собралась в том месте, где доски прогнулись под тяжестью его тела. Голова его лежала на левой руке. Открытая бритва, лезвием вверх, валялась среди одеял.

– Уведи Ника, Джордж, – сказал доктор.

Но он поздно спохватился. Нику от дверей кухни отлично были видны верхняя койка и жест отца, когда тот, держа в руках лампу, повернул голову индейца.

Начинало светать, когда они шли обратно по дороге к озеру.

– Никогда себе не прощу, что взял тебя с собой, Ник, – сказал отец. Все его недавнее возбуждение прошло. – Надо ж было случиться такой истории.

– Что, женщинам всегда так трудно, когда у них рождаются дети? – спросил Ник.

– Нет, это был совершенно исключительный случай.

– Почему он убил себя, папа?

– Не знаю, Ник. Не мог вынести, должно быть.

– А часто мужчины себя убивают?

– Нет, Ник. Не очень.

– А женщины?

– Еще реже.

– Никогда?

– Ну, иногда случается.

– Папа!

– Да?

– Куда пошел дядя Джордж?

– Он сейчас придет.

– Трудно умирать, папа?

– Нет. Я думаю, это совсем нетрудно, Ник. Все зависит от обстоятельств.

Они сидели в лодке: Ник – на корме, отец – на веслах. Солнце вставало над холмами. Плеснулся окунь, и по воде пошли круги. Ник опустил руку в воду. В резком холоде утра вода казалась теплой.

В этот ранний час на озере, в лодке, возле отца, сидевшего на веслах, Ник был совершенно уверен, что никогда не умрет.

Глава вторая

За топкой низиной виднелись сквозь дождь минареты Адрианополя. Дорога на Карачаг была на тридцать миль забита повозками. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Одни повозки, груженные всяким скарбом. Старики и женщины, промокшие до костей, шли вдоль дороги, подгоняя скотину. Марица неслась, желтая, почти вровень с мостом. Мост был сплошь забит повозками, и верблюды, покачиваясь, пробирались между ними. Поток беженцев направляла греческая кавалерия. В повозках среди узлов, матрацев, зеркал, швейных машин ютились женщины с детьми. У одной начались роды, и сидевшая рядом с ней девушка прикрывала ее одеялом и плакала. Ей было страшно смотреть на это. Во время эвакуации не переставая лил дождь.

Доктор и его жена

Дик Болтон явился из индейского лагеря, чтобы распилить бревна для отца Ника. Он привел с собой сына Эдди и еще одного индейца по имени Билли Тэбешо. Они пришли из леса, через заднюю калитку. Эдди нес длинную поперечную пилу, и она с мелодичным звуком хлопала его по плечу. Билли Тэбешо тащил два больших багра. Дик нес под мышкой три топора.

Дик задержался, чтобы прикрыть калитку. Остальные сразу направились на берег озера, где лежали занесенные песком бревна.

Они отбились от больших бонов, которые буксировал на лесопильню пароход «Мэджик». Бревна вынесло на берег, и если оставить их лежать, рано или поздно команда «Мэджика» приплывет на гребной шлюпке, заметит бревна, загонит в каждое по железному костылю с кольцом и вытащит их на середину озера, чтобы собрать новый бон. Однако лесорубы могут и не появиться, ведь несколько бревен не стоят денег, которые нужно заплатить команде. И если никто не придет, бревна превратятся в топляк и сгниют на песке.

Отец Ника считал, что так и будет, а потому нанял индейцев, чтобы те распилили бревна поперечной пилой и накололи поленьев для камина. Дик Болтон миновал дом и спустился к озеру. На берегу лежали четыре больших буковых бревна, почти полностью занесенные песком. Эдди повесил пилу в развилку дерева. Дик положил топоры на небольшую пристань. Он был полукровкой, и многие местные фермеры считали его белым. Он был очень ленив, но если брался за дело, трудился на совесть. Дик достал из кармана плитку табака, откусил кусок и заговорил на оджибве с Эдди и Билли Тэбешо.

Индейцы воткнули крючья багров в одно из бревен и раскачали его, чтобы высвободить из песка. Потом навалились на рукоятки. Бревно сдвинулось. Дик посмотрел на отца Ника и сказал:

– Отличную древесину ты своровал, док.

– Не надо так говорить, Дик, – возразил доктор. – Это плавник.

Эдди и Билли Тэбешо высвободили бревно из мокрого песка и откатали к воде.

– Толкайте в воду! – крикнул им Дик Болтон.

– Зачем это? – спросил доктор.

– Нужно его отмыть. Песок мешает пилить. И я хочу поглядеть, чье оно, – ответил Дик.

Бревно покачивалось на воде. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, потев на солнце. Дик опустился на колени, изучил отпечаток молотка сортировщика на конце бревна.

– Оно принадлежит Уайту и МакНэлли, – объявил он, поднимаясь и отряхивая брюки.

Доктор явно чувствовал себя неловко.

– Значит, не стоит его пилить, Дик, – бросил он.

– Не сердись, док, – сказал Дик. – Не сердись. Мне плевать, у кого ты их украл. Это не мое дело.

– Если ты думаешь, что бревна краденые, оставь их в покое и убирайся обратно в лагерь, – рявкнул доктор. Его лицо покраснело.

– Не кипятись, док, – сказал Дик и сплюнул табачным соком на бревно. Слюна стекла в воду, расплылась. – Ты сам прекрасно знаешь, что они краденые. Мне все равно.

– Ну ладно. Раз ты думаешь, что бревна краденые, забирай свои вещи и проваливай.

– Послушай, док...

– Забирай вещи и проваливай.

– Док.

– Еще раз назовешь меня доком, и я вколочу твои зубы тебе в глотку.

– Это вряд ли, док.

Дик Болтон посмотрел на доктора. Дик был крупным парнем и знал это. Ему нравилось драться. Он наслаждался ссорой. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, и глядели на доктора. Доктор пожевал бороду на нижней губе, посмотрел на Дика Болтона. Потом развернулся и зашагал к дому на холме. Спина доктора буквально дрожала от ярости. Индейцы провожали его взглядом, пока он не скрылся в доме.

Дик сказал что-то на оджибве. Эдди рассмеялся, но Билли Тэбешо был очень серьезен. Он не понимал по-английски, однако потел все время, пока шла перепалка. Билли Тэбешо был толстым, с жиденькими, как у китайца, усиками. Он взял багры, Дик захватил топоры, а Эдди снял с дерева пилу. Они прошли мимо дома и вышли через заднюю калитку. Дик оставил калитку распахнутой. Билли Тэбешо вернулся и притворил ее. Индейцы скрылись в лесу.

Доктор сидел на постели в своей комнате и смотрел на стопку медицинских журналов, лежавших на полу возле конторки. Журналы были в упаковке. Это злило доктора.

– Ты не собираешься вернуться к работе, дорогой? – спросила жена доктора, которая лежала в комнате с закрытыми жалюзи.

– Нет!

– Что-то стряслось?

– Я поругался с Диком Болтоном.

– О. Надеюсь, ты не вышел из себя, Генри?

– Нет, – ответил доктор.

– Помни, что владеющий собою лучше завоевателя города¹⁶, – сказала его жена. Она изучала христианство. На столике возле ее кровати лежали Библия, книга «Наука и здоровье» и брошюра «Христианская наука».

Доктор промолчал. Он сидел на постели и чистил дробовик. Заполнил магазин тяжелыми желтыми патронами, потом разрядил оружие. Патроны рассыпались по одеялу.

– Генри, – позвала жена. Немного подождала. – Генри!

– Да, – откликнулся доктор.

– Ты ведь не сказал Болтону ничего обидного?

– Нет.

– А из-за чего вышла ссора?

– Из-за ерунды.

– Пожалуйста, скажи, Генри. Не пытайся ничего от меня скрыть. Из-за чего вышла ссора?

– Дик должен мне кучу денег, потому что я вылечил его скво от пневмонии. Думаю, он затеял ссору, чтобы не отрабатывать их.

¹⁶ Притч. 16:32.

Его жена молчала. Доктор тщательно вытер дробовик ветошью. Снова заполнил магазин патронами. И сидел, держа дробовик на коленях. Он очень любил его. Потом жена сказала из темной комнаты:

– Дорогой, я не верю, действительно не верю, что кто-то способен на такой поступок.

– Да? – спросил доктор.

– Да. Я не могу поверить, что кто-то может поступить так осознанно.

Доктор поднялся и поставил дробовик в угол за комодом.

– Ты уходишь, дорогой? – сказала жена.

– Пройдусь, пожалуй, – ответил доктор.

– Если встретишь Ника, передай, что его хотела видеть мама, – попросила она.

Доктор вышел на крыльцо, хлопнув сетчатой дверью. Услышал, как ахнула жена.

– Прости, – сказал он под ее окном с закрытыми жалюзи.

– Все в порядке, дорогой, – ответила она.

Под палящим солнцем он вышел за калитку и по тропинке углубился в тсуговый лес. Даже в жаркий день там было прохладно. Он нашел Ника, который сидел, прислонившись к дереву, и читал книгу.

– Мать хочет видеть тебя, – сказал доктор.

– Я хочу пойти с тобой, – ответил Ник.

Отец посмотрел на него.

– Ладно, пошли, – сказал он. – Дай мне книгу, я положу ее в карман.

– Папа, я знаю, где живут черные белки, – сообщил Ник.

– Что ж, – ответил отец, – пойдём посмотрим.

Глава третья

Мы попали в какой-то сад в Монсе. Бакли вернулся со своим патрулем с того берега реки. Первый немец, которого мне пришлось увидеть, перелезал через садовую ограду. Мы дождались, когда он перекинет ногу по нашу сторону, и ухлопали его. На нем была пропасть всякой амуниции. Он разинул рот от удивления и свалился в сад. Потом через ограду в другом месте стали перелезать еще трое. Мы их тоже подстрелили. Они все так появлялись.

Что-то кончилось

В прежние времена Хортонс-Бей был городком при лесопильном заводе. Жителей его всюду достигал звук больших пил, визжавших на берегу озера. Потом наступило время, когда пилить стало нечего, потому что поставка бревен кончилась. В бухту пришли лесовозные шхуны и приняли баланс, сложенный штабелями во дворе. Груды теса тоже свезли. Заводские рабочие вынесли из лесопилки все оборудование и погрузили его на одну из шхун. Шхуна вышла из бухты в открытое озеро, унося на борту, поверх теса, которым был забит трюм, две большие пилы, тележку для подвоза бревен к вращающимся круглым пилам, все валы, колеса, приводные ремни и металлические части. Грузовой люк ее был затянут брезентом, туго перевязан канатами, и она на всех парусах вышла в открытое озеро, унося на борту все, что делало завод заводом, а Хортонс-Бей – городом.

Одноэтажные бараки, столовая, заводская лавка, контора и сам завод стояли заброшенные среди опилок, покрывавших целые акры болотистого луга вдоль берега бухты.

Через десять лет от завода не осталось ничего, кроме обломков белого известнякового фундамента, проглядывавших сквозь болотный подлесок, мимо которого проплывали в лодке Ник и Марджори. Они ловили рыбу на дорожку у самого берега канала, в том месте, где дно сразу уходит с песчаной отмели вниз, под двенадцать футов темной воды. Спустив с лодки дорожку, они плыли к мысу, расставить там на ночь удочки для ловли радужной форели.

– А вот и наши развалины, Ник, – сказала Марджори.

Занося весла, Ник оглянулся на белые камни среди зелени кустарника.

– Да, они самые, – сказал он.

– Ты помнишь, когда тут был завод? – спросила Марджори.

– Смутно, – сказал Ник.

– Похоже скорее, будто тут стоял замок, – сказала Марджори.

Ник промолчал. Они плыли вдоль берега, пока завод не скрылся из виду. Тогда Ник направил лодку через бухту.

– Не клюет, – сказал он.

– Да, – сказала Марджори. Она не спускала глаз с дорожки даже во время разговора. Она любила удить рыбу. Она любила удить рыбу с Ником.

У самой лодки блеснула большая форель. Ник налег на правое весло, стараясь повернуть лодку и провести тянущуюся далеко позади наживку в том месте, где охотилась форель. Как только спина форели показалась из воды, пескари метнулись от нее в разные стороны. По воде пошли брызги, точно туда бросили пригоршню дробинок. С другой стороны лодки плеснула еще одна форель.

– Кормятся, – сказала Марджори.

– Да, но клёва-то нет, – сказал Ник.

Он повернул лодку так, чтобы провести дорожку мимо охотившихся форелей, а потом стал грести к мысу. Марджори начала наматывать леску на катушку только тогда, когда лодка коснулась носом берега.

Они вытащили ее на песок, и Ник взял с кормы ведро с живыми окунями. Окуни плавали в ведре. Ник выловил трех, отрезал им головы и счистил чешую, а Марджори все еще шарил руками в ведре; наконец она поймала одного окуня и тоже отрезала ему голову и счистила чешую. Ник посмотрел на рыбку у нее в руке.

– Брюшной плавник не надо срезать, – сказал он. – Для наживки и так сойдет, но с брюшным плавником все-таки лучше.

Он насадил очищенных окуней с хвоста. У каждого удилица на конце поводка было по два крючка. Марджори отъехала от берега, зажав леску в зубах и глядя на Ника, а он стоял на берегу и держал удочку, пока не размоталась вся катушка.

– Ну, кажется, так! – крикнул он.

– Бросать? – спросила Марджори, взяв леску в руку.

– Да, бросай.

Марджори бросила леску за борт и стала смотреть, как наживка уходит под воду.

Она снова подъехала к берегу и проделала то же самое со второй леской. Ник положил по тяжелой доске на конец каждой удочки, чтобы они крепче держались, а снизу подпер их досками поменьше. Потом повернул назад ручки на обеих катушках, туго натянул лески между берегом и песчаным дном канала, куда была брошена наживка, и защелкнул затворы. Плавая в поисках корма у самого дна, форель схватит наживку, кинется с ней, разматывает за собой леску, предохранитель опустится, и катушка зазвенит.

Марджори отъехала подальше, чтобы не задеть лески. Она налегла на весла, и лодка пошла вдоль берега. Вслед за ней по воде тянулась мелкая рябь. Марджори вышла на берег, и Ник втащил лодку выше на песок.

– Что с тобой, Ник? – спросила Марджори.

– Не знаю, – ответил Ник, собирая хворост для костра.

Они разложили костер. Марджори сходила к лодке и принесла одеяло. Вечерний ветер относил дым к мысу, и Марджори расстелила одеяло левее, между костром и озером.

Марджори села на одеяло спиной к костру и стала ждать Ника. Он подошел и сел рядом с ней. Сзади них на мысу был частый кустарник, а впереди – залив с устьем Хортонс-Крика. Стемнеть еще не успело. Свет от костра доходил до воды. Им были видны два стальных удилица, поставленных под углом к темной воде. Свет от костра поблескивал на катушках.

Марджори достала из корзинки еду.

– Мне не хочется, – сказал Ник.

– Поешь чего-нибудь, Ник.

– Ну, давай.

Они ели молча и смотрели на удочки и отблески огня на воде.

– Сегодня будет луна, – сказал Ник. Он посмотрел на холмы за бухтой, которые все резче выступали на темном небе. Он знал, что за холмами встает луна.

– Да, я знаю, – сказала Марджори счастливым голосом.

– Ты все знаешь, – сказал Ник.

– Перестань, Ник. Ну пожалуйста, не будь таким.

– А что я могу поделать? – сказал Ник. – Ты все знаешь. Решительно все. В том-то и беда. Ты прекрасно сама это знаешь.

Марджори ничего не ответила.

– Я научил тебя всему. Ты же все знаешь. Ну, например, чего ты не знаешь?

– Перестань! – сказала Марджори. – Вон луна выходит.

Они сидели на одеяле, не касаясь друг друга, и смотрели, как поднимается луна.

– Зачем выдумывать глупости? – сказала Марджори. – Говори прямо, что с тобой?

– Не знаю.

– Нет, знаешь.

– Нет, не знаю.

– Ну скажи мне.

Ник посмотрел на луну, выходящую из-за холмов.

– Скучно.

Он боялся взглянуть на Марджори. Он взглянул на Марджори. Она сидела спиной к нему. Он посмотрел на ее спину.

– Скучно. Все стало скучно.

Она молчала. Он снова заговорил:

– У меня такое чувство, будто все во мне оборвалось. Не знаю, Марджори. Не знаю, что тебе сказать.

Он все еще смотрел ей в спину.

– И любить скучно? – спросила Марджори.

– Да, – сказал Ник.

Марджори встала. Ник сидел, опустив голову на руки.

– Я возьму лодку, – крикнула ему Марджори. – Ты можешь пройти пешком вдоль мыса.

– Хорошо, – сказал Ник. – Я тебе помогу.

– Не надо, – сказала Марджори.

Она плыла в лодке по заливу, освещенному луной. Ник вернулся и лег ничком на одеяло у костра. Он слышал, как Марджори работает веслами.

Он долго лежал так. Он лежал так, а потом услышал шаги Билла, вышедшего на просеку из леса. Он почувствовал, что Билл подошел к костру. Билл не дотронулся до него.

– Ну что, ушла?

– Да, – сказал Ник, уткнувшись лицом в одеяло.

– Устроила сцену?

– Никаких сцен не было.

– Ну а ты как?

– Уйди, Билл. Погуляй там где-нибудь.

Билл выбрал себе сэндвич в корзинке и пошел взглянуть на удочки.

Глава четвертая

Жарища в тот день была адова. Мы соорудили поперек моста совершенно бесподобную баррикаду. Баррикада получилась просто блеск. Высокая чугунная решетка – с ограды перед домом. Такая тяжелая, что сразу не сдвинешь, но стрелять через нее удобно, а им пришлось бы перелезать. Шикарная баррикада. Они было полезли, но мы стали бить их с сорока шагов. Они брали ее приступом, а потом офицеры одни выходили вперед и пытались свалить ее. Заграждение получилось совершенно идеальное. Офицеры у них держались великолепно. Мы просто рассвирепели, когда узнали, что правый фланг отошел и нам придется отступить.

Трехдневная непогода

Когда Ник свернул на дорогу, проходившую через фруктовый сад, дождь кончился. Фрукты были уже собраны, и осенний ветер шумел в голых ветках. Ник остановился и подобрал яблоко, блестящее от дождя в бурой траве у дороги. Он положил яблоко в карман куртки. Из сада дорога вела на вершину холма. Там стоял коттедж, на крыльце было пусто, из трубы шел дым. За коттеджем виднелись гараж, курятник и молодая поросль, поднимавшаяся точно изгородь на фоне леса. Он взглянул в ту сторону – большие деревья раскачивались вдалеке на ветру. Это была первая осенняя буря.

Когда Ник пересек поле за садом, дверь отворилась, и из коттеджа вышел Билл. Он остановился на крыльце.

– А-а, Уимидж, – сказал он.

– Хэлло, Билл, – сказал Ник, поднимаясь по ступенькам.

Они постояли на крыльце, глядя на озеро, на сад, на поля за дорогой и поросший лесом мыс. Ветер дул прямо с озера. С крыльца им был виден прибой у мыса Тен-Майл.

– Здорово дует, – сказал Ник.

– Это теперь на три дня, – сказал Билл.

– Отец дома? – спросил Ник.

– Нет. Ушел на охоту. Пойдем в комнаты.

Ник вошел в коттедж. В камине ярко горели дрова. Пламя с ревом рвалось в трубу. Билл захлопнул дверь.

– Выпьем? – сказал он.

Он сходил на кухню и вернулся с двумя стаканами и кувшином воды. Ник достал с полки над камином бутылку виски.

– Ничего? – спросил он.

– Давай, давай, – сказал Билл.

Они сидели у камина и пили ирландское виски с водой.

– Приятно отдает дымком, – сказал Ник и посмотрел через стакан на огонь.

– Это от торфа, – сказал Билл.

– Торф не может попасть в виски, – сказал Ник.

– Это ничего не значит, – сказал Билл.

– А ты видел когда-нибудь торф? – спросил Ник.

– Нет, – сказал Билл.

– И я не видел, – сказал Ник.

Ник протянул ноги к самому огню, и от его башмаков пошел пар.

– Ты бы разулся, – сказал Билл.

– Я без носков.

– Сними башмаки и просуши, а я дам тебе какие-нибудь носки, – сказал Билл. Он поднялся на чердак, и Ник слышал, как он ходит там наверху. Чердак был под самой крышей, и Билл с отцом и сам Ник иногда спали там. К чердаку примыкал чулан. Они отодвигали койки от того места, где крыша протекала, и застилали их прорезиненными одеялами.

Билл вернулся с парой толстых шерстяных носков.

– Теперь уже поздновато ходить на босу ногу, – сказал он.

– Терпеть не могу влезать в них после лета, – сказал Ник. Он натянул носки и, откинувшись на спинку стула, положил ноги на экран перед камином.

– Смотри продавишь, – сказал Билл.

Ник переложил ноги на выступ камина.

– Есть что-нибудь почитать? – спросил он.

– Только газета.

– Как дела у «Кардиналов»?

– Проиграли подряд две игры «Гигантам».

– Ну, теперь им крышка.

– Нет, на этот раз просто поддались, – сказал Билл. – До тех пор пока Мак Гроу может покупать любого хорошего бейсболиста в лиге, им бояться нечего.

– Ну, всех-то не скупишь, – сказал Ник.

– Кого нужно, покупает, – сказал Билл, – или так их настраивает, что они начинают фордыбачить, и лига с радостью сплавляет их ему.

– Как было с Хайни Зимом, – подтвердил Ник.

– Много ему проку будет от этой дубины.

Билл встал.

– Он здорово бьет, – сказал Ник. Жар от огня припекал ему ноги.

– Хайни Зим неплох на защите, – сказал Билл. – А все-таки команда из-за него проигрывает.

– Может, поэтому Мак Гроу и держится за Хайни, – сказал Ник.

– Может быть, – согласился Билл.

– Нам с тобой ведь не все известно, – сказал Ник.

– Ну конечно. Хотя для нашей дыры мы не так уж плохо осведомлены.

– Все равно как на скачках: лучше ставить на лошадей, когда их в глаза не видел.

– Вот именно.

Билл взял бутылку виски. Его большая рука охватила всю бутылку. Он налил виски в протянутый Ником стакан.

– Сколько воды?

– Столько же.

Он сел на пол рядом со стулом Ника.

– А хорошо, когда начинается осенняя буря, – сказал Ник.

– Замечательно.

– Самое лучшее время года, – сказал Ник.

– Вот уж не согласился бы жить сейчас в городе, – сказал Билл.

– А я хотел бы посмотреть «Уорлд Сириз», – сказал Ник.

– Ну-у, они теперь играют только в Филадельфии да в Нью-Йорке, – сказал Билл. – Нам от этого ни тепло ни холодно.

– Все-таки интересно, возьмут когда-нибудь «Кардиналы» первенство или нет?

– Как же, дожидайся! – сказал Билл.

– Вот бы обрадовались ребята! – сказал Ник.

– Помнишь, как они разошлись тогда, перед тем как попали в крушение?

– Да-а! – сказал Ник.

Билл потянулся за книгой, которая лежала заглавием вниз на столе у окна, там, куда он положил ее, когда пошел к двери. Прислонившись спиной к стулу Ника, он держал в одной руке стакан, в другой – книгу.

– Что ты читаешь?

– «Ричарда Феверела».

– А я не одолел его.

– Хорошая книга, – сказал Билл. – Неплохая книга, Уимидж.

– А что у тебя есть, чего я еще не читал? – спросил Ник.

– «Любовь в лесу» читал?

– Да. Это про то, как они ложатся спать и кладут между собой обнаженный меч?

– Хорошая книга, Уимидж.

– Книга замечательная. Только я не понимаю, какой им был толк от этого меча? Ведь его все время надо держать лезвием вверх, потому что если меч положить плашмя, то через него можно перекатиться, и тогда он ничему не помешает.

– Это символ, – сказал Билл.

– Наверно, – сказал Ник. – Только здравого смысла в этом ни на грош.

– А «Отвагу» ты читал?

– Вот это интересно! – сказал Ник. – Настоящая книга. Это где его отец все время донимает. У тебя есть что-нибудь еще Хью Уолпола?

– «Темный лес», – сказал Билл. – Про Россию.

– А что он смыслит в России? – спросил Ник.

– Не знаю. Кто их разберет, этих писателей. Может, он жил там еще мальчишкой. Там много всего про Россию.

– Вот бы с ним познакомиться, – сказал Ник.

– А я бы хотел познакомиться с Честертоном, – сказал Билл.

– Если бы он был сейчас здесь, – сказал Ник, – мы бы взяли его завтра на рыбалку в Вуа.

– А может, он не захотел бы пойти на рыбалку? – сказал Билл.

– Еще как захотел бы, – сказал Ник. – Он же замечательный малый. Помнишь «Перелетный кабак»?

Если ангел нам предложит
Воду пить, а не вино, –
Мы поклонимся учтиво
И плеснем ее в окно.

– Правильно, – сказал Ник. – По-моему, он лучше Уолпола.

– Еще бы. Конечно, лучше, – сказал Билл.

– Но Уолпол пишет лучше.

– Не знаю, – сказал Ник. – Честертон классик.

– Уолпол тоже классик, – не сдавался Билл.

– Хорошо бы, они оба были здесь, – сказал Ник. – Мы бы взяли их завтра на рыбалку в Вуа.

– Давай напьемся, – сказал Билл.

– Давай, – согласился Ник.

– Мой старик ругаться не будет, – сказал Билл.

– Ты в этом уверен? – сказал Ник.

– Ну конечно, – сказал Билл.

– А я и так уже немного пьян, – сказал Ник.

– Ничего подобного, – сказал Билл.

Он встал с пола и взял бутылку. Ник подставил ему свой стакан. Он не сводил с него глаз, пока Билл наливал виски. Билл налил стакан до половины.

– Воды сам добавь, – сказал он. – Тут еще только на одну порцию.

– А больше нет? – спросил Ник.

– Есть сколько хочешь, только отец не любит, когда я починаю бутылку.

– Ну конечно, – сказал Ник.

– Он говорит: те, кто починает бутылки, в конце концов спиваются, – пояснил Билл.

– Правильно, – сказал Ник. Это произвело на него большое впечатление. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он всегда думал, что спиваются те, кто пьет в одиночку.

– А как поживает твой отец? – почтительно спросил он.

– Ничего, – сказал Билл. – Правда, иногда на него находит.

– Он у тебя молодчина, – сказал Ник. Он подлил себе в стакан воды из кувшина. Виски медленно смешивалось с водой. Виски было больше, чем воды.

– Что и говорить, – сказал Билл.

– Мой старик тоже неплохой, – сказал Ник.

– Ну еще бы, – сказал Билл.

– Он уверяет, что никогда в жизни не брал в рот спиртного, – сказал Ник торжественным тоном, точно сообщая о факте, имеющем непосредственное отношение к науке.

– Да, но ведь он доктор. А мой старик – художник. Это совсем другое дело.

– Мой много потерял в жизни, – с грустью сказал Ник.

– Кто его знает, – сказал Билл. – Неизвестно, где найдешь, где потеряешь.

– Он сам говорит, что много потерял, – признался Ник.

– Моему тоже нелегко приходилось, – сказал Билл.

– Значит, один черт, – сказал Ник.

Они смотрели на огонь и размышляли над этой глубокой истиной.

– Пойду принесу полено с заднего крыльца, – сказал Ник. Глядя в камин, он заметил, что огонь начинает гаснуть. Кроме того, ему хотелось доказать, что он умеет пить и не терять здравого смысла. Пусть отец никогда не брал спиртного в рот, Билл все равно не напоит его – Ника, пока сам не напьется.

– Выбери из буковых потолще, – сказал Билл. Он тоже был полон здравого смысла.

Ник возвращался с поленом через кухню и по пути сшиб с кухонного стола кастрюлю. Он положил полено на пол и поднял ее. В кастрюле были замочены сушеные абрикосы. Он старательно подобрал с пола все абрикосы – несколько штук закатилось под плитку – и положил их обратно в кастрюлю. Он подлил в абрикосы воды из стоящего рядом ведра. Он гордился собой. Здравый смысл ни на минуту не изменял ему. Он подошел с поленом к камину. Билл встал и помог ему положить полено в огонь.

– Полено первый сорт, – сказал Ник.

– Я берег его на случай плохой погоды, – сказал Билл. – Такое всю ночь будет гореть.

– И к утру горячие угли останутся на растопку, – сказал Ник.

– Верно, – согласился Билл. Разговор шел в самом возвышенном тоне.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

– В буфете должна быть еще одна початая бутылка, – сказал Билл.

Он присел перед буфетом на корточки и достал оттуда квадратную бутылку.

– Шотландское, – сказал он.

– Пойду за водой, – сказал Ник. Он снова ушел на кухню. Он зачерпнул ковшиком холодной родниковой воды из ведра и налил ее в кувшин. На обратном пути он прошел в столовой мимо зеркала и посмотрелся в него. Узнать себя было трудно. Он улыбнулся лицу в зеркале, и оно ухмыльнулось в ответ. Он подмигнул ему и пошел дальше. Лицо было не его, но это не имело никакого значения.

Билл уже налил виски в стаканы.

– Не многовато ли? – сказал Ник.

– Это нам-то с тобой, Уимидж? – сказал Билл.

– За что будем пить? – спросил Ник, поднимая стакан.

– Давай выпьем за рыбную ловлю, – сказал Билл.

– Хорошо, – сказал Ник. – Джентльмены, да здравствует рыбная ловля!

– Везде и всюду, – сказал Билл. – Где бы ни ловили.

– Рыбная ловля, – сказал Ник. – Пьем за рыбную ловлю!

– А она лучше, чем бейсбол, – сказал Билл.

– Какое же может быть сравнение? – сказал Ник. – Как мы вообще могли говорить о бейсболе?

– Это была ошибка с нашей стороны, – сказал Билл. – Бейсбол – это игра для деревенщины.

Они допили стаканы до дна.

– Теперь выпьем за Честертон.

– И за Уолпола, – подхватил Ник.

Ник налил виски Биллу и себе. Билл подлил в виски воды. Они посмотрели друг на друга.

Оба чувствовали себя превосходно.

– Джентльмены! – сказал Билл. – Да здравствуют Честертон и Уолпол.

– Принято, джентльмены, – сказал Ник.

Они выпили. Билл снова налил стаканы. Они сидели в глубоких креслах перед камином.

– Это было очень умно с твоей стороны, Уимидж.

– О чем ты? – спросил Ник.

– О том, что ты порвал с Мардж, – сказал Билл.

– Да, пожалуй, – сказал Ник.

– Так и следовало сделать. Если бы ты не сделал этого, пришлось бы тебе уехать домой, работать и копить деньги на женитьбу.

Ник молчал.

– Раз уж человек женился, пропащее дело, – продолжал Билл. – Больше ему надеяться не на что. Крышка. Спета его песенка. Ты же видел женатых?

Ник молчал.

– Женатого сразу узнаешь, – сказал Билл. – У них такой сытый, женатый вид. Спета их песенка.

– Правильно, – сказал Ник.

– Может, это было нехорошо, порывать так сразу, – сказал Билл. – Но ведь всегда найдешь, в кого влюбиться, и все будет в порядке. Влюбляйся, только не позволяй им портить тебе жизнь.

– Да, – сказал Ник.

– Если бы ты женился на ней, тебе бы досталась в придачу вся их семья. Вспомни только ее мать и этого типа, за которого она вышла замуж.

Ник кивнул.

– Торчали бы они целыми днями у тебя в доме, а тебе пришлось бы ходить к ним по воскресеньям обедать и приглашать их к себе, а она все время учила бы Мардж, что надо делать и чего не надо.

Ник сидел молча.

– Ты еще легко отделался, – сказал Билл. – Теперь она может выйти замуж за кого-нибудь, кто ей под пару, обзаведется семьей и будет счастлива. Масла с водой не смешаешь, и в этих делах тоже ничего не следует мешать. Все равно как если бы я женился на Айде, которая служит у Стрэттонов. Она, наверно, была бы не прочь.

Ник молчал. Опыянение прошло и оставило его наедине с самим собой. Не было здесь Билла. Сам он не сидел перед камином, не собирался идти завтра на рыбалку с Биллом и его отцом. Он не был пьян. Все прошло. Он знал только одно: когда-то у него была Марджори, а теперь он ее потерял. Она ушла, он прогнал ее. Все остальное не имело никакого значения. Может быть, он никогда больше ее не увидит. Наверное, никогда не увидит. Все ушло, кончилось.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

Билл налил виски. Ник подбавил в стаканы немного воды.

– Если бы ты не покончил со всем этим, мы бы не сидели сейчас здесь, – сказал Билл.

Это было верно. Раньше Ник собирался уехать домой и подыскать работу. Потом решил остаться на зиму в Шарльвуа, чтобы быть поближе к Марджори. Теперь он сам не знал, что ему делать.

– Мы бы, наверно, и на рыбную ловлю завтра не пошли, – сказал Билл. – Нет, ты правильно поступил.

– А что я мог с собой поделывать? – сказал Ник.

– Знаю. Так всегда бывает, – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Почему так получилось, не знаю. Я ничего не мог с собой поделывать. Все равно как этот ветер: налетит – и в три дня не оставит ни одного листка на деревьях.

– Кончилось и кончилось. Это самое главное, – сказал Билл.

– По моей вине, – сказал Ник.

– По чьей вине, это не важно, – сказал Билл.

– Да, верно, – сказал Ник.

Самое главное было то, что Марджори ушла и он, вероятно, никогда больше не увидит ее. Он говорил с ней о том, как они поедут в Италию, как им там будет хорошо вдвоем. О местах, в которых они побывают. Все это ушло теперь. И он сам что-то потерял.

– Кончилось, и точка, а остальное пустяки, – сказал Билл. – Знаешь, Уимидж, я очень за тебя беспокоился, пока это тянулось. Ты правильно поступил. Ее мама на стену лезет от досады. Она всем говорила, что вы помолвлены.

– Мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– А говорят, что были.

– Я тут ни при чем, – сказал Ник. – Мы не были помолвлены.

– Разве вы не собирались пожениться? – спросил Билл.

– Собирались. Но мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– Тогда какая разница? – скептически спросил Билл.

– Не знаю. Разница все-таки есть.

– Я ее не вижу, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник. – Давай напьемся.

– Ладно, – сказал Билл. – Напьемся по-настоящему.

– Напьемся, а потом пойдем купаться, – сказал Ник.

Он допил свой стакан.

– Мне ее очень жалко, но что я мог поделывать? – сказал он. – Ты же знаешь, какая у нее мать.

– Ужасная! – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Только напрасно я с тобой заговорил об этом.

– Ты не заговаривал, – сказал Билл. – Это я начал. А теперь все. Больше никогда не будем говорить об этом. Ты только не задумывайся. А то опять примешься за старое.

Такая мысль не приходила Нику в голову. Казалось, все было решено бесповоротно. Над этим стоило подумать. Ему стало легче.

– Конечно, – сказал он. – Это всегда может случиться.

Ему снова стало хорошо. Нет ничего непоправимого. Можно пойти в город в субботу вечером. Сегодня четверг.

– Это не исключено, – сказал он.

– Держи себя в руках, – сказал Билл.

– Постараюсь, – сказал он.

Ему было хорошо. Ничего не кончено. Ничего не потеряно. В субботу он пойдет в город. Он чувствовал ту же легкость на душе, что была в нем до того, как Билл начал этот разговор. Лазейку всегда можно найти.

– Давай возьмем ружья и пойдем на мыс, поищем твоего родителя, – сказал Ник.

– Давай.

Билл снял со стены два дробовика. Потом открыл ящик с патронами. Ник надел куртку и башмаки. Башмаки покоробились от огня. Ник все еще не протрезвился, но голова у него была свежая.

– Ну как ты? – спросил он.

– Прекрасно. В самый раз. – Билл застегивал свитер.

– А напиваться все-таки не стоит.

– Да, пожалуй. Надо было давно пойти погулять.

Они вышли на крыльцо. Ветер бушевал вовсю.

– От такого ветра все птицы в траву попадают, – сказал Билл.

Они пошли к саду.

– Я видел вальдшнепа сегодня утром, – сказал Билл.

– Может, нам удастся поднять его, – сказал Ник.

– При таком ветре нельзя стрелять, – сказал Билл.

На воздухе вся история с Мардж не казалась такой трагической. Это было вовсе не так уж важно. Ветер унес все это с собой.

– Прямо с большого озера дует, – сказал Ник.

До них донесся глухой звук выстрела.

– Это отец, – сказал Билл. – Он там, на болоте.

– Пойдем напрямиком, – сказал Ник.

– Пойдем нижним лугом, может, поднимем какую-нибудь дичь, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник.

Теперь это было совершенно не важно. Ветер выдул все у него из головы. Тем не менее в субботу вечером можно сходить в город. Неплохо иметь это про запас.

Глава пятая

Шестерых министров расстреляли в половине седьмого утра у стены госпиталя. На дворе стояли лужи. На каменных плитах было много мокрых опавших листьев. Шел сильный дождь. Все ставни в госпитале были наглухо заколочены. Один из министров был болен тифом. Два солдата вынесли его прямо на дождь. Они пытались поставить его к стене, но он сполз в лужу. Остальные пять неподвижно стояли у стены. Наконец офицер сказал солдатам, что поднимать его не стоит. Когда дали первый залп, он сидел в воде, уронив голову на колени.

Боец

Ник встал. Вроде бы ничего не сломано. Взглянул вверх рельсов на задние огни последнего вагона товарняка, исчезающего за поворотом дороги. По обе стороны железнодорожных путей поблескивала вода, дальше тянулось болото.

Ник ощупал колено. Штаны разорваны, кожа содрана. На руках ссадины, под ногти забились песок и зола. Он подошел к краю насыпи, спустился к воде и принялся мыть руки. Мыл их тщательно в холодной воде, вычищая грязь из-под ногтей. Потом присел на корточки и промыл ссадину на колене.

Эта сволочь, тормозной кондуктор! Он до него еще доберется. Он с ним еще повстречается. И уж тогда тот свое получит.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу».

Он попался на уловку, как дитё малое. Но уж больше его не провести.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу». А потом – бац, и он на четвереньках у самых рельсов.

Ник потерял глаз. Над ним вспухла большая шишка. Непременно синяк будет. Глаз уже болел. Этот чертов тормозной кондуктор.

Он прикоснулся кончиками пальцев к шишке над глазом. Да ладно, будет синяк, только и всего. Он еще легко отделался. Хотелось взглянуть, как его разукрасило. Но в воде не увидеть. Уже стемнело, и жилья никакого нет поблизости. Ник вытер руки о штаны, встал и поднялся по насыпи к рельсам.

Пошел по путям. Шпалы утопали в засыпке, так что идти было легко. Нога твердо ступала по утрамбованному песку с гравием. Насыпь, ровная, как шоссе, пересекала болото. Ник шел и шел, чтобы скорее добраться до людей.

На подножку товарного поезда Ник запрыгнул неподалеку от узловой станции Уолтон, когда поезд замедлил ход. Калкаску поезд – с безбилетным Ником – миновал, когда начало темнеть. Ник полагал, что находится теперь неподалеку от Манселоны: их разделяли три-четыре мили сплошного болота. Он шагал по полотну, стараясь ступать между шпалами. Болото терялось в поднимающемся тумане. Глаз болел, и хотелось есть. Он все шел, оставляя позади милю за милей. По обе стороны насыпи все время тянулось неизменное болото.

Показался мост. Ник прошел по нему. Металл рельсов гулко отзывался на каждый его шаг, а внизу, в щелях между шпалами, чернела вода. Ник столкнулся ногой валявшийся на мосту костыль, и он ушел под воду. За мостом пошли холмы. Они высились в темноте по обе стороны железнодорожных путей. Впереди Ник увидел костер.

Осторожно ступая, он пошел на огонь. Костер горел чуть в стороне от насыпи. Нику был виден только его отсвет. Железную дорогу проложили между холмами, и там, где горел костер, холм отступил, и видна была поляна в лесу. Ник осторожно спустился с насыпи и углубился в лес, чтобы сквозь заросли пробраться к костру. Лес был буковый, и, пробираясь между дере-

вьями, он ощутил под ногами скорлупки буковых орешков. Наконец он ясно увидел костер на лесной опушке. Возле него сидел мужчина. Ник остановился за деревом и пригляделся. Мужчина был один, судя по всему. Он сидел, подперев голову руками, и смотрел на костер. Ник шагнул вперед, войдя в круг света.

Человек сидел и смотрел на огонь. Не пошевелился, даже когда Ник остановился совсем рядом с ним.

– Привет! – поздоровался Ник.

Мужчина поднял на него глаза.

– Где фонарь заработал? – спросил он.

– Тормозной кондуктор двинул.

– Скинул с товарного?

– Да.

– Видел гада, – кивнул мужчина. – Проехал здесь часа полтора назад. Шел по крышам вагонов, похлопывал себя по бокам и распевал.

– Подонок!

– Он, наверно, рад, что спихнул тебя. – Голос мужчины звучал серьезно.

– Я еще отплачу ему.

– Подстереги его с камнем, когда он будет проезжать обратно, – посоветовал мужчина.

– Я еще доберусь до него.

– Ты парень упертый, да?

– Нет, – ответил Ник.

– Все вы, мальчишки, упертые.

– Приходится быть упертым, – насупился Ник.

– Вот и я говорю.

Мужчина посмотрел на Ника и улыбнулся. На свету Ник увидел, что лицо обезображено. Расплющенный нос, глаза-щелки, расплывшиеся губы. Ник рассмотрел все это не сразу; сначала заметил только, что лицо странной формы и изуродованное. Оно больше походило на размалеванную маску. И в свете костра казалось мертвым.

– Что, не нравится моя сковородка? – спросил человек.

Ник смутился:

– Да ладно вам.

– Посмотри сюда.

Мужчина снял шапку.

Ухо у него осталось только одно. Раздутое и плотно прилегающее к голове. Вместо другого уха торчал обрубок.

– Видал когда-нибудь такое?

– Нет, – ответил Ник. Его чуть замутило.

– Я могу с этим жить, – продолжил мужчина. – Ты же видишь, парень, что могу?

– Будьте уверены!

– Они обломали об меня свои кулаки, – заявил этот невысокий мужчина. – А мне хоть бы что. – Он смотрел на Ника. – Садись. Есть хочешь?

– Не беспокойтесь, – ответил Ник. – Я иду в город.

– Знаешь, – мужчина его словно и не услышал, – зови меня Эд.

– Само собой!

– Знаешь, со мной не все в порядке.

– А что с вами?

– Я чокнутый.

Он надел шапку. Нику вдруг стало смешно.

– Да все с вами в порядке, – улыбнулся он.

- Нет, не все. Я чокнутый. Послушай, ты был когда-нибудь чокнутым?
- Нет, – покачал головой Ник. – Отчего это случается?
- Не знаю, – ответил Эд. – Происходит – и ты не замечаешь как. Ты ведь знаешь меня?
- Нет.
- Я Эд Фрэнсис.
- Быть не может!
- Не веришь?
- Верю.

Ник почувствовал, что это правда.

- Знаешь, чем я их брал?

– Нет, – ответил Ник.

- У меня медленное сердце. Бьется всего сорок раз в минуту. Пощупай.

Ник колебался.

- Давай. – Мужчина взял его за руку. – Пощупай мой пульс. Возьмись пальцами – вот так.

Запястье у маленького человечка было толстым, кости обросли крепкими мышцами. Под пальцами Ник почувствовал медленное биение.

- Часы есть?

– Нет.

- У меня тоже нет, – вздохнул Эд. – Ничего не выйдет, если часов нет.

Ник отпустил руку.

– Знаешь, возьмись снова, – предложил Эд Фрэнсис. – Ты считай удары, а я буду считать до шестидесяти.

Ощущая под пальцами медленные, резкие удары, Ник начал считать. Слышал, как мужчина медленно отсчитывает вслух: раз, два, три, четыре, пять...

- Шестидесят, – закончил Эд. – Минута. А у тебя сколько?

– Сорок, – ответил Ник.

- Верно! – обрадовался Эд. – Никогда не учащается.

С насыпи спустился человек, пересек поляну, направляясь к костру.

- Привет, Багс! – поздоровался Эд.

– Привет! – ответил Багс.

По выговору чувствовалось, что это негр. Ник уже по шагам понял, что это негр. Он стоял к ним спиной, наклонившись к огню. Потом выпрямился.

- Это мой друг, Багс, – представил вновь прибывшего Эд. – Он тоже чокнутый.

– Рад познакомиться. – Багс смотрел на Ника. – Так вы откуда, говорите?

– Из Чикаго, – ответил Ник.

- Славный город, – кивнул негр. – Я не расслышал, как вас зовут?

– Адамс. Ник Адамс.

- Он говорит, что никогда не был чокнутым, Багс, – поделился Эд.

– У него еще все впереди, – ответил негр. Стоя у огня, он разворачивал принесенный с собой сверток.

- Скоро есть будем, Багс? – спросил боксер.

– Прямо сейчас.

- Ты голоден, Ник?

– Чертовски.

- Слышишь, Багс?

– Я обычно все слышу.

- Да я не о том спрашиваю.

– Да. Я слышал, что сказал этот господин.

Он выложил на сковородку куски ветчины.

Когда сковородка накалилась и жир зашкворчал, Багс, нагнувшись над костром на своих длинных, как у всех негров, ногах, перевернул ветчину на другую сторону, стал разбивать о борт сковородки яйца и выливать их на раскаленный жир.

– Вас не затруднит нарезать хлеб, мистер Адамс? – Багс повернулся к нему. – Он в том мешке.

– С удовольствием.

Ник подошел к мешку и достал большой круглый хлеб. Отрезал шесть ломтей.

Эд приподнялся и наклонился вперед, наблюдая за ним.

– Дай-ка мне нож, Ник, – попросил он.

– Нет, не давайте, – вмешался негр. – Держите нож крепче, мистер Адамс.

Боксер вновь сел.

– Будьте добры, дайте-ка мне этот хлеб, мистер Адамс, – попросил Багс.

Ник принес ему нарезанные ломти.

– Любите макать хлеб в растопленный свиной жир? – спросил негр.

– Еще бы!

– Этим лучше займемся потом, на закуску. Пожалуйста.

Негр взял кусок жирной ветчины, положил на ломоть и сверху прикрыл яйцом.

– Теперь накройте другим куском хлеба и передайте, пожалуйста, сэндвич мистеру Фрэнсису.

Эд взял сэндвич и принялся за еду.

– Смотрите, чтобы яйцо не потекло, – предупредил негр. – Это вам, мистер Адамс. Остальное мне.

Ник впился зубами в сэндвич. Негр сидел против него, рядом с Эдом. Горячая поджаренная ветчина с яичницей были изумительны.

– Мистер Адамс здорово проголодался, – отметил негр.

Мужчина небольшого росточка, имя которого Нику было известно, – как-никак чемпион по боксу, – сидел молча. Он не проронил ни слова после того, как негр не позволил Нику отдать ему нож.

– Могу я предложить вам обмакнуть хлеб в растопленный жир? – спросил Багс.

– Большое спасибо.

Белый коротышка посмотрел на Ника.

– А вам, мистер Адольф Фрэнсис? – Багс протянул и ему сковородку.

Эд не отвечал и смотрел на Ника.

– Я обращаюсь к вам, мистер Фрэнсис! – вновь послышался мягкий голос негра.

Эд не отвечал. Смотрел на Ника.

– Я вас спрашиваю, мистер Фрэнсис, – мягко повторил негр.

Эд продолжал смотреть на Ника. Шапку он надвинул на глаза. Нику стало не по себе.

– Какой черт тебя сюда принес? – раздался резкий вопрос из-под шапки. – Кого ты из себя корчишь? Говнюк сопливый! Приходишь сюда, хотя никто тебя не звал, жрешь чужую еду, а попросишь у тебя нож, так корчишь из себя хрен знает кого.

Он не сводил взгляда с Ника, лицо у него побледнело, шапка совсем съехала, так что глаз почти не было видно.

– Недоносок! Кто, к черту, тебя сюда звал?

– Никто.

– Правильно, черт побери, никто. И оставаться никто не просил. Пришел, наговорил гадостей о моем лице, курит мои сигары, хлещет мою выпивку да еще рассуждает, сопляк! Ты думаешь, тебе это так сойдет?

Ник ничего не ответил. Эд встал.

– погоди, желторотая чикагская свинья! Я тебе голову проломлю! Понял?

Ник отступил на шаг. Маленький человечек медленно двинулся на него, тяжело ступая, выставляя вперед левую ногу и подтягивая следом правую.

– Ударь меня! – качнул он головой. – Возьми и ударь!

– Я не хочу бить вас.

– Тебе это так не сойдет. Я тебя отделаю, слышишь? Так что подойди и ударь первым.

– Бросьте вы, – ответил Ник.

– Ах, ты так, подонок!

Маленький человечек посмотрел на ноги Ника. А когда собрался перевести взгляд на негра, тот, шедший следом от самого костра, нацелился и нанес ему удар в затылок. Эд упал на живот, и Багс отбросил дубинку, обмотанную тряпкой. Эд лежал, уткнувшись лицом в траву. Негр поднял маленького человечка и отнес к костру. Лицо Эда выглядело ужасно, глаза открылись. Багс бережно положил его на землю.

– Принесите, пожалуйста, воду в ведре, мистер Адамс, – попросил он. – Боюсь, что ударил его чересчур сильно.

Негр брызнул ему в лицо водой и осторожно потянул за оставшееся ухо. Глаза закрылись.

Негр выпрямился.

– Все в порядке. – В голосе слышалось облегчение. – Беспокоиться нечего. Простите, мистер Адамс.

– Ничего, ничего.

Ник смотрел вниз, на лежащего мужчину. Затем увидел на траве дубинку и поднял ее. Ручка гнулась и подавалась под пальцами. Черная кожа на ней истерлась, а тяжелый конец Багс обмотал носовым платком.

– Ручка из китового уса, – улыбнулся негр. – Таких теперь не делают. Я не знал, сумеете ли вы с ним справиться, и потом не хотел, чтобы вы причинили ему боль или изуродовали еще больше.

Негр опять улыбнулся.

– Но вы сами его ударили.

– Я знаю, как ударить. Он даже не вспомнит. Мне приходится это делать, чтобы успокоить его в таких ситуациях.

Ник все еще смотрел на маленького человечка, лежавшего с закрытыми глазами в свете костра. Багс подбросил дров в огонь.

– Не бойтесь за него, мистер Адамс. Я вижу его таким не первый раз.

– Отчего он свихнулся? – спросил Ник.

– От многого, – ответил негр, стоя у костра. – Не хотите ли чашку кофе, мистер Адамс?

Он протянул Нику чашку и поправил куртку, которую подложил под голову лежащего без сознания мужчины.

– Во-первых, его слишком много били, – сказал негр, потягивая кофе. – От этого он только поглупел. Затем его сестра была его импресарио, и тогда в газетах всякое писали про братьев и сестер, о том, как она любила брата, а он любил сестру, и как они поженились в Нью-Йорке, из-за чего вышло много неприятностей.

– Я это помню.

– Естественно. Хотя скажу вам, они такие же брат с сестрой, как братец Кролик и Лис, но очень многим это не понравилось, и между ними начались ссоры, пока однажды она просто не уехала и больше не вернулась.

Он допил свой кофе и вытер губы розовой ладонью.

– Он сразу и сошел с ума. Хотите еще кофе, мистер Адамс?

– Спасибо.

– Я видел ее пару раз, – продолжал негр. – Очень красивая женщина. Очень похожа на брата. Он-то был совсем недурен, пока ему не изуродовали лицо.

Он замолк. Казалось, рассказ на этом кончен.

– А где вы с ним познакомились? – спросил Ник.

– В тюрьме, – ответил негр. – Он начал бросаться на людей, после того как она ушла, и его посадили в тюрьму. А меня – за то, что человека зарезал. – Он улыбнулся и продолжал все тем же мягким голосом: – Он мне сразу понравился, и, выйдя из тюрьмы, я его разыскал. Ему нравится считать меня чокнутым, а я не возражаю. Меня его компания устраивает, я люблю путешествовать – и даже воровать для этого не приходится. Мне нравится жить, не нарушая закона.

– Что же вы с ним делаете?

– Да ничего. Просто ездим с места на место. У него есть деньги.

– Он, наверное, здорово зарабатывал?

– Еще бы! Хотя он уже все растратил. А может быть, его обворовали. Она присылает ему деньги.

Длинной веткой он поворошил угли.

– Она замечательная женщина, – повторил Багс. – И похожа на него как две капли воды.

Негр оглянулся на маленького человечка, который тяжело дышал. Его светлые волосы свисали на лоб. Изуродованное лицо было по-детски безмятежно.

– Пора приводить его в чувство, мистер Адамс. Не сердитесь, но, я думаю, вам лучше уйти. Не хочу показаться невежливым, но, увидев вас, он может опять выйти из себя. Терпеть не могу бить его, хотя это единственный способ его успокоить, когда он разойдется. Приходится держать его подальше от людей. Вы не сердитесь, мистер Адамс? Нет, не благодарите меня, мистер Адамс. Мне следовало предупредить вас, но вы ему вроде бы очень понравились, и я понадеялся, что все обойдется хорошо. До города по железной дороге примерно две мили. Он называется Манселона. Прощайте! Я бы с удовольствием пригласил вас переночевать с нами, но об этом теперь и говорить не приходится. Может, возьмете с собой хлеба с салом? Нет? Возьмите все-таки сэндвич.

Все это произносилось спокойным, низким и мягким голосом, как говорят пожилые негры.

– Ну вот и хорошо. Прощайте, мистер Адамс. Прощайте, и удачи вам!

Ник направился через поляну к железнодорожной насыпи. Оказавшись в темноте, он прислушался. Негр говорил все тем же низким, мягким голосом. Слов было не разобрать. Потом послышался голос маленького человечка:

– У меня ужасно болит голова, Багс.

– Ничего, пройдет, мистер Фрэнсис, – утешал голос негра. – Выпейте чашку горячего кофе.

Ник поднялся на насыпь и пошел по шпалам. Заметив, что держит в руке сэндвич с окороком, сунул его в карман. Пока рельсы не повернули за холм, он, оглядываясь назад, видел отсветы костра на лесной опушке.

Глава шестая

Ник сидел, прислонясь к стене церкви, куда его притащили с улицы, чтобы укрыть от пулеметного огня. Ноги его неестественно торчали. У него был задет позвоночник. Лицо его было потное и грязное. Солнце светило ему прямо в лицо. День был очень жаркий. Ринальди лежал среди разбросанной амуниции ничком у стены, выставив широкую спину. Ник смотрел прямо перед собой блестящими глазами. Розовая стена дома напротив рухнула, отвалившись от крыши, и над улицей повисла исковерканная железная кровать. В тени дома, на груди щебня, лежали два убитых австрийца... Дальше по улице были еще убитые. Бой в городе приближался к концу. Все шло хорошо. Теперь с минуты на минуту можно было ожидать санитаров. Ник осторожно повернул голову и посмотрел на Ринальди. «*Senta*¹⁷, Ринальдо, *senta*. Оба мы с тобой заключили сепаратный мир». Ринальди неподвижно лежал на солнце и тяжело дышал. «Мы с тобой плохие патриоты». Ник осторожно отвернулся, силясь улыбнуться. Ринальди был безнадежным собеседником.

Очень короткая история

Однажды жарким вечером в Падуе его вынесли на крышу, и он мог смотреть на город поверх домов. В небе резвились стрижи. Вскоре стемнело, и по нему зашарили прожекторы. Остальные отправились вниз, прихватив с собой бутылки. Им с Луз были слышны их голоса с нижнего балкона. Луз присела на край его кровати. Посреди ночной духоты она была свежа и прохладна.

Уже три месяца Луз дежурила по ночам. Ей это охотно позволяли. Когда его собрались оперировать, она сама готовила его к операции, и они придумали шутку про клизму – кружку-подружку. Впадая в забытие под наркозом, он изо всех сил старался не потерять контроля над собой, чтобы не наболтать лишнего в бессознательном состоянии. Научившись передвигаться на костылях, он, бывало, сам разносил градусники, чтобы Луз не вставала с постели. Раненых было немного, и все всё о них знали. Луз все любили. Возвращаясь по коридору в палату, он думал о том, что Луз лежит сейчас в его постели.

Перед тем как настало время ему снова отправляться на фронт, они пошли в *Duomo*¹⁸ и помолились. Рядом молились другие люди, в соборе было сумеречно и тихо. Они хотели пожениться, но не хватало времени для оглашения, да и метрик ни у одного из них не имелось. Тем не менее они чувствовали себя так, словно обвенчались, но им было нужно, чтобы все об этом знали и чтобы они никогда не могли это потерять.

Луз часто писала ему письма, которых он не получал вплоть до наступления перемирия. Тогда пятнадцать штук разом пришли ему на фронт, и он рассортировал их по датам и прочел подряд. Во всех говорилось о госпитале, о том, как сильно она его любит, и как не может жить без него, и как безумно не хватает ей его по ночам.

После перемирия они договорились, что он вернется домой и найдет работу, чтобы они могли пожениться. Луз не должна была приезжать до тех пор, пока он не получит хорошую работу и не сможет приехать в Нью-Йорк, чтобы встретить ее. Подразумевалось, что он не будет пить и не будет встречаться со старыми друзьями и вообще с кем бы то ни было в Штатах. Задача одна – получить работу и жениться. В поезде, по пути из Падуи в Милан, они поссорились из-за того, что она не хотела ехать с ним сразу. Когда пришло время прощаться

¹⁷ Слушай (*ит.*).

¹⁸ Собор (*ит.*).

на Миланском вокзале, они поцеловались, но окончательно не помирились. Его мучило, что они так расстались.

Он отплыл в Америку на корабле из Генуи. Луз отправилась обратно в Порденоне, где открывался новый госпиталь. Там шли дожди, и ей было одиноко в городе, где квартировал целый батальон бойцов «Ардити». Коротая зиму в промозглом грязном городишке, майор – командир батальона соблазнил Луз, у которой никогда прежде не было любовника-итальянца, и в конце концов она написала в Штаты, что их любовь была всего лишь юношеским увлечением. Ей очень жаль, и она знает, что едва ли он поймет ее, но, быть может, когда-нибудь простит и будет ей благодарен, а она – совершенно неожиданно – выходит замуж весной. Она по-прежнему любит его, но теперь отдает себе отчет в том, что их любовь была лишь детским увлечением. Она надеется, что его ждет большое будущее, и безоговорочно верит в него. И она знает, что все это на благо им обоим.

Майор не женился на ней ни весной, ни в другое время года. Луз так и не получила ответа на свое письмо в Чикаго. А он вскоре подхватил гонорею от продавщицы универмага, расположенного в Лупе¹⁹, когда развлекался с ней, катаясь в такси по Линкольн-парку.

¹⁹ Луп – деловой район Чикаго.

Глава седьмая

Когда артиллерийский огонь разносил окопы у Фоссальты, он лежал плашмя и, обливаясь потом, молился: «Иисусе, выведи меня отсюда, прошу тебя, Иисусе. Спаси, спаси, спаси меня. Сделай, чтобы меня не убили, и я буду жить, как ты велишь. Я верю в тебя, я всем буду говорить, что только в тебя одного нужно верить. Спаси, спаси меня, Иисусе». Огонь передвинулся дальше по линии. Мы стали исправлять окоп, а наутро вошло солнце, и день был жаркий, и тихий, и радостный, и спокойный. На следующий вечер, вернувшись в Местре, он не сказал ни слова об Иисусе той девушке, с которой ушел наверх в «Вилла Росса». И никому никогда не говорил.

Дома

Кребс ушел на фронт из методистского колледжа в Канзасе. Есть фотография, на которой он стоит среди студентов-однокурсников, и все они в воротничках совершенно одинакового фасона и высоты.

В 1917 году он записался во флот и вернулся в Штаты только после того, как вторая дивизия была отозвана с Рейна летом 1919 года.

Есть фотография, на которой он и еще один капрал сняты где-то на Рейне с двумя немецкими девушками. Мундиры на Кребсе и его приятеле кажутся слишком узкими. Девушки некрасивы. Рейна на фотографии не видно.

К тому времени, когда Кребс вернулся в свой родной город в штате Оклахома, героев уже перестали чествовать. Он вернулся слишком поздно. Всем жителям города, которые побывали на войне, устраивали торжественную встречу. В этом было немало военной истерии. А теперь наступила реакция. Всем как будто казалось, что смешно возвращаться так поздно, через несколько лет после окончания войны.

Сначала Кребсу, побывавшему под Белло, Суассоном, в Шампани, Сен-Мийеле и в Аргоннском лесу, совсем не хотелось разговаривать о войне. Потом у него возникла потребность говорить, но никому уже не хотелось слушать. В городе до того наслушались рассказов о немецких зверствах, что действительные события уже не производили впечатления. Кребс понял, что нужно врать, для того чтобы тебя слушали. И, соврав дважды, почувствовал отвращение к войне и к разговорам о ней. Отвращение ко всему, которое он часто испытывал на фронте, снова овладело им оттого, что ему пришлось врать. То время, вспоминая о котором он чувствовал внутреннее спокойствие и ясность, то далекое время, когда он делал единственное, что подобает делать мужчине, делал легко и без принуждения, сначала утратило все, что было в нем ценного, а потом и само позабылось.

Врал он безобидно, приписывая себе то, что делали, видели и слышали другие, и выдавая за правду фантастические слухи, ходившие в солдатской среде. Но в бильярдной эти выдумки не имели успеха. Его знакомые, которые слышали обстоятельные рассказы о немецких женщинах, прикованных к пулеметам в Аргоннском лесу, как патриоты не интересовались неприкованными немецкими пулеметчиками и были равнодушны к его рассказам.

Кребсу стало противно преувеличивать и выдумывать, и когда он встречался с настоящим фронтовиком, то, поговорив с ним несколько минут в курительной на танцевальном вечере, впадал в привычный тон бывалого солдата среди других солдат: что на фронте он все время чувствовал только одно – непрерывный, тошнотворный страх. Так он потерял и последнее.

Лето шло к концу, и все это время он вставал поздно, ходил в библиотеку менять книги, завтракал дома, читал, сидя на крыльце, пока не надоест, а потом отправлялся в город провести самые жаркие часы в прохладной темноте бильярдной. Он любил играть на бильярде.

По вечерам он упражнялся на кларнете, гулял по городу, читал и ложился спать. Для двух младших сестер он все еще был героем. Мать стала бы подавать ему завтрак в постель, если бы он этого потребовал. Она часто входила к нему, когда он лежал в постели, и просила рассказать ей о войне, но слушала невнимательно. Отец его был неразговорчив.

До того как Кребс ушел на фронт, ему никогда не позволяли брать отцовский автомобиль. Отец его был агентом по продаже недвижимости, и ему каждую минуту могла понадобиться машина, чтобы везти клиентов за город для осмотра земельных участков. Машина всегда стояла перед зданием Первого национального банка, где на втором этаже помещалась контора его отца. И теперь, после войны, машина была все та же.

В городе ничего не изменилось, только девочки стали взрослыми девушками. Но они жили в таком сложном мире давно установившейся дружбы и мимолетных ссор, что у Кребса не хватало ни энергии, ни смелости войти в этот мир. Но смотреть на них он любил. Так много было красивых девушек! Почти все они были стриженные. Когда он уезжал, стриженными ходили только маленькие девочки, а из девушек только самые бойкие. Все они носили джемперы и блузки с круглыми воротниками. Такова была мода. Он любил смотреть с крыльца, как они прохаживаются по другой стороне улицы. Он любил смотреть, как они гуляют в тени деревьев. Ему нравились круглые воротнички, выпущенные из-под джемперов. Ему нравились шелковые чулки и туфли без каблучков. Ему нравились стриженные волосы, нравилась их походка.

Когда он видел их в центре города, они не казались ему такими привлекательными. В греческой кондитерской они просто не нравились ему. В сущности, он в них не нуждался. Они были слишком сложны для него. Было тут и другое. Он смутно ощущал потребность в женщине. Ему нужна была женщина, но лень было ее добиваться. Он был не прочь иметь женщину, но не хотел долго добиваться ее. Не хотел никаких уловок и ухищрений. Он не хотел тратить время на ухаживание. Не хотел больше врать. Дело того не стоило.

Он не хотел себя связывать. Он больше не хотел себя связывать. Он хотел жить, не связывая себя ничем. Да и не так уж была ему нужна женщина. Армия приучила его жить без этого. Было принято делать вид, что не можешь обойтись без женщины. Почти все так говорили. Но это была неправда. Женщина была вовсе не нужна. Это и было самое смешное. Сначала человек хвастался тем, что женщины для него ничего не значат, что он никогда о них не думает, что они его не волнуют. Потом он хвастался, что не может обойтись без женщин, что он дня не может без них прожить, что он не может уснуть без женщины.

Все это было вранье. И то и другое было вранье. Женщина вовсе не нужна, пока не начнешь о ней думать. Он научился этому в армии. А тогда ее находишь, рано или поздно. Когда приходит время, женщина всегда найдется. И заботиться не надо. Рано или поздно оно само придет. Он научился этому в армии.

Теперь он был бы не прочь иметь женщину, но только так, чтоб она пришла к нему сама и чтоб не нужно было разговаривать. Но здесь все это было слишком сложно. Он знал, что не сможет проделывать все, что полагается. Дело того не стоило. Вот чем были хороши француженки и немки. Никаких этих разговоров. Много разговаривать было трудно, да оно и ни к чему. Все было очень просто и не мешало им оставаться друзьями. Он думал о Франции, а потом начал думать о Германии. В общем, Германия ему понравилась больше. Ему не хотелось уезжать из Германии. Не хотелось возвращаться домой. И все-таки он вернулся. И сидел на парадном крыльце.

Ему нравились девушки, которые прохаживались по другой стороне улицы. По внешности они нравились ему гораздо больше, чем француженки и немки, но мир, в котором они жили, был не тот мир, в котором жил он. Ему хотелось бы, чтоб с ним была одна из них. Но

дело того не стоило. Они были так привлекательны. Ему нравился этот тип. Он волновал его. Но ему не хотелось тратить время на разговоры. Не так уж была ему нужна женщина. Дело того не стоило. Во всяком случае – не теперь, когда жизнь только начинала налаживаться.

Он сидел на ступеньках, читая книгу. Это была история войны, и он читал обо всех боях, в которых ему пришлось участвовать. До сих пор ему не попадалось книги интереснее этой. Он жалел, что в книге мало карт, и предвкушал то удовольствие, с которым прочтет все действительно хорошие книги о войне, когда они будут изданы с хорошими, подробными картами. Только теперь он узнавал о войне по-настоящему. Оказывается, он был хорошим солдатом. Это совсем другое дело.

Однажды утром, после того как он пробыл дома около месяца, мать вошла к нему в спальню и присела на кровать. Разгладив складки на переднике, она сказала:

– Вчера вечером я говорила с отцом, Гарольд. Он разрешил тебе брать машину по вечерам.

– Да? – сказал Кребс, еще не совсем проснувшись. – Брать машину?

– Отец давно предлагает, чтоб ты брал машину по вечерам, когда захочешь, но мы только вчера об этом уговорились.

– Верно, это ты его заставила, – сказал Кребс.

– Нет. Отец сам об этом заговорил.

– Да? Как же! Верно, это ты его заставила.

Кребс сел в постели.

– Ты сойдешь вниз к завтраку, Гарольд? – спросила мать.

– Как только оденусь, – ответил Кребс.

Мать вышла из комнаты, и ему было слышно, как что-то жарилось внизу, пока он умывался, брился и одевался, готовясь сойти в столовую. Пока он завтракал, сестра принесла почту.

– Здравствуй, Гарри! – сказала она. – Соня ты этакий! Ты бы уж совсем не вставал.

Кребс посмотрел на сестру. Он ее любил. Это была его любимица.

– Газета есть? – спросил он.

Она протянула ему «Канзас-Сити стар», и, разорвав коричневую бандероль, он отыскал страничку спорта. Развернув газету и прислонив ее к кувшину с водой, он придвинул к ней тарелку с кашей, чтобы можно было читать во время еды.

– Гарольд, – мать стояла в дверях кухни, – Гарольд, не изомни, пожалуйста, газету. Отец не станет читать измятую.

– Я не изомну, – сказал Кребс.

Сестра, усевшись за стол, смотрела, как он читает.

– Сегодня в школе мы играем в бейсбол, – сказала она. – Я буду подавать.

– Это хорошо, – сказал Кребс. – Ну, как там у вас в команде?

– Я подаю лучше многих мальчиков. Я им показала все, чему ты меня учил. Другие девочки играют неважно.

– Да? – сказал Кребс.

– Я всем говорю, что ты – мой поклонник. Ведь ты мой поклонник, Гарри?

– Ну еще бы.

– Разве брат не может ухаживать за сестрой только потому, что он брат?

– Не знаю.

– Как же ты не знаешь? Ведь ты мог бы ухаживать за мной, если бы я была взрослая?

– Ну да. Я и теперь твой поклонник.

– Правда, Гарри?

– Ну да.

– Ты меня любишь?

– Угу.

– И всегда будешь любить?

– Ну да.

– Ты пойдешь посмотреть, как я играю?

– Может быть.

– Нет, Гарри, ты меня не любишь. Если бы ты меня любил, ты захотел бы посмотреть, как я играю.

Из кухни пришла мать Кребса. Она несла тарелку с яичницей и поджаренным салом и другую тарелку с гречневыми блинчиками.

– Поди к себе, Эллен, – сказала она. – Мне нужно поговорить с Гарольдом.

Она поставила перед Гарольдом яичницу с салом и принесла кувшин с кленовой патокой к блинчикам. Потом села за стол против Кребса.

– Может быть, ты оставишь газету на минутку, Гарольд? – сказала она.

Кребс положил газету на стол и разгладил ее.

– Ты еще не решил, что будешь делать, Гарольд? – спросила мать, снимая очки.

– Нет еще, – сказал Кребс.

– Тебе не кажется, что пора об этом подумать?

Мать не хотела его уколоть. Она казалась озабоченной.

– Я еще не думал, – сказал Кребс.

– Бог всем велит работать, – сказала мать. – В царстве Божиим не должно быть лентяев.

– Я пока не в царстве Божиим, – ответил Кребс.

– Все мы в царстве Божиим.

Как всегда, Кребс чувствовал себя неловко и злился.

– Я так беспокоюсь за тебя, Гарольд, – продолжала мать. – Я знаю, каким ты подвергался искушениям. Я знаю, что мужчины слабы. Я еще не забыла, что рассказывал твой покойный дедушка, а мой отец, о гражданской войне, и всегда молилась за тебя. Я и сейчас целыми днями молюсь за тебя.

Кребс смотрел, как застывает свиное сало у него на тарелке.

– Отец тоже беспокоится, – продолжала она. – Ему кажется, что у тебя нет честолюбия, нет определенной цели в жизни. Чарли Симмонс тебе ровесник, а уже на хорошем месте и собирается жениться. Все молодые люди устраиваются, все хотят чего-нибудь добиться. Ты сам видишь, что такие, как Чарли Симмонс, уже вышли на дорогу и общество может гордиться ими.

Кребс молчал.

– Не гляди так, Гарольд, – сказала мать. – Ты знаешь, мы любим тебя, и я для твоей же пользы хочу поговорить с тобой. Отец не хочет стеснять твоей свободы. Он разрешает тебе брать машину. Если тебе захочется покатать какую-нибудь девушку из хорошей семьи, мы будем только рады. Тебе следует развлечься. Но нужно же искать работу, Гарольд. Отцу все равно, за какое бы дело ты ни взялся. Всякий труд почтенен, говорит он. Но с чего-нибудь надо же начинать. Он просил меня поговорить с тобой сегодня. Может быть, ты зашел бы к нему в контору?

– Это все? – спросил Кребс.

– Да. Разве ты не любишь свою мать, милый мой мальчик?

– Нет, не люблю, – сказал Кребс.

Мать смотрела на него через стол. Ее глаза блестели. На них навернулись слезы.

– Я никого не люблю, – сказал Кребс.

Это было безнадежно. Он не мог растолковать ей, не мог заставить ее понять. Глупо было говорить так. Он только огорчил мать. Он подошел к ней и взял ее за руку. Она плакала, закрыв лицо руками.

– Я не то хотел сказать. Я просто был раздражен, – сказал Кребс. – Я не хотел сказать, что я не люблю тебя...

Мать все плакала. Кребс обнял ее за плечи.

– Ты не веришь мне, мама?

Мать покачала головой.

– Ну, прошу тебя, мама. Прощу тебя, поверь мне.

– Хорошо, – сказала мать, всхлипывая, и взглянула на него. – Я верю тебе, Гарольд.

Кребс поцеловал ее в голову. Она прижалась к нему лицом.

– Я тебе мать, – сказала она. – Я носила тебя на руках, когда ты был совсем крошкой.

Кребс почувствовал тошноту и смутное отвращение.

– Я знаю, мамочка, – сказал он. – Я постараюсь быть тебе хорошим сыном.

– Может быть, ты станешь на колени и помолишься вместе со мной, Гарольд? – спросила мать.

Они стали на колени перед обеденным столом, и мать Кребса прочла молитву.

– А теперь помолись ты, Гарольд, – сказала она.

– Не могу, – ответил Кребс.

– Постарайся, Гарольд.

– Не могу.

– Хочешь, я помолюсь за тебя?

– Хорошо.

Мать помолилась за него, а потом они встали, и Кребс поцеловал мать и ушел из дому. Он так старался не осложнять свою жизнь. Однако все это нисколько его не тронуло. Ему стало жаль мать, и поэтому он солгал. Он поедет в Канзас-Сити, найдет себе работу, и тогда она успокоится. Перед отъездом придется, может быть, выдержать еще одну сцену. К отцу в контору он не пойдет. Избавится хоть от этого. Ему хочется, чтобы жизнь шла спокойно. Без этого просто нельзя. Во всяком случае, теперь с этим покончено. Он пойдет на школьный двор посмотреть, как Эллиен играет в бейсбол.

Глава восьмая

В два часа утра двое венгров забрались в табачную лавку на углу Пятнадцатой улицы и Гранд-авеню. Древитс и Бойл приехали туда в «Форде» из полицейского участка на Пятнадцатой улице. Грузовик венгров как раз выезжал задним ходом из тупичка. Бойл подстрелил сначала сидевшего в кабине, потом – того, который был в грузовике. Древитс испугался, когда увидел, что оба они убиты наповал.

– Стой, Джимми, – сказал он. – Что же ты наделал! Знаешь, какой теперь тарарам поднимется!

– Ворьё они или не ворьё? – сказал Бойл. – Итальяшки они или не итальяшки? Кто будет поднимать из-за них тарарам?

– Ну, может, на этот раз сойдет, – сказал Древитс, – но почему ты знал, что они итальяшки, когда стрелял в них?

– В итальяшек-то? – сказал Бойл. – Да я итальяшек за квартал вижу.

Революционер

В 1919-м он путешествовал по железным дорогам Италии, возя с собой кусок промасленной ткани, который получил в штаб-квартире партии. Надпись несмываемым карандашом гласила, что этот товарищ сильно пострадал от белых в Будапеште, и призывала других товарищей помогать ему всеми доступными способами. Он использовал эту тряпку вместо билета. Он был очень застенчив и молод, и бригады проводников передавали его друг другу. У него не было денег, и проводники кормили его позади стойки в станционных закусочных.

Он был в восторге от Италии. Прекрасная страна, говорил он. Люди такие добрые. Он побывал во многих городах, много гулял, повидал много картин. Купил репродукции Джотто, Мазаччо и Пьеро делла Франческа и носил их завернутыми в выпуск «Аванти». Мантенья ему не понравился.

Он явился в партийное отделение в Болонье, и я взял его с собой в Романью, где должен был встретиться с одним человеком. Поездка оказалась приятной. Стояло начало сентября, и в сельской местности царил благодать. Он был мадьяр, очень милый и очень застенчивый юноша. Люди Хорти ужасно с ним обращались. Он немного рассказал об этом. Несмотря на Венгрию, он верил в мировую революцию.

– А как дела у движения в Италии? – спросил он.

– Очень скверно, – ответил я.

– Но скоро станет лучше, – сказал он. – У вас здесь есть все. Это единственная страна, в которую все верят. С нее все и начнется.

Я промолчал.

В Болонье он попрощался с нами, прежде чем сесть на поезд до Милана. Из Милана он отправился в Аосту, откуда собирался через перевал добраться до Швейцарии. Я поговорил с ним о работах Мантеньи в Милане.

– Нет, – очень застенчиво ответил он. Мантенья ему не нравится.

Я дал ему список мест, где можно поесть в Милане, и адреса товарищей. Он поблагодарил меня, но мыслями уже был на перевале. Он очень хотел поспеть туда, пока держится хорошая погода. Он любил горы осенью. В Сьоне швейцарцы отправили его за решетку, и больше я о нем ничего не слышал.

Глава девятая

Первому матадору бык проткнул правую руку, и толпа гиканьем прогнала его с арены. Вторым матадор поскользнулся, и бык пропорол ему живот, и он схватился одной рукой за рог, а другой зажимал рану, и бык грохнул его о барьер, и он выпустил рог и упал, а потом поднялся, шатаясь, как пьяный, и вырывался от людей, уносивших его, и кричал, чтобы ему дали шпагу, но потерял сознание. Вышел третий, совсем еще мальчик, и ему пришлось убивать пять быков, потому что большие трех матадоров не полагается, и перед последним быком он уже так устал, что никак не мог направить шпагу. Он едва двигал рукой. Он нацеливался пять раз, и толпа молчала, потому что бык был хороший и она ждала кто кого, и наконец нанес удар. Потом он сел на песок, и его стошнило, и его прикрыли плащом, а толпа ревела и швыряла на арену все, что попадалось под руку.

Мистер и миссис Эллиот

Мистер и миссис Эллиот очень старались иметь ребенка. Они старались, насколько у миссис Эллиот хватало сил. Старались в Бостоне, когда поженились, и на пароходе, во время переезда в Европу. На пароходе они старались не очень часто, потому что миссис Эллиот совсем разболелась. Ее мучило от качки, а когда ее мучило, то мучило так, как мучит всех южанок, то есть уроженок южной части Соединенных Штатов. Как все южанки, миссис Эллиот очень быстро расклеивалась от морской болезни, от того, что приходилось путешествовать ночью и слишком рано вставать по утрам. Многие пассажиры на пароходе были уверены, что она мать Эллиота. Другие, знавшие, что это муж и жена, думали, что она беременна. На самом деле ей просто было сорок лет. Ее возраст сразу дал себя знать, когда она начала путешествовать.

Она казалась много моложе, вернее – казалась женщиной без возраста, когда Эллиот женился на ней, после того как несколько недель за ней ухаживал, после того как долгое время ходил в ее кафе, до того как однажды вечером поцеловал ее.

Перед женитьбой Хьюберт Эллиот прошел курс юридических наук в Гарвардском университете и был оставлен при кафедре. Он был поэтом и имел около десяти тысяч долларов годового дохода. Он писал очень длинные стихотворения, и очень быстро. Ему было двадцать пять лет, и он ни разу не спал с женщиной до того, как женился на миссис Эллиот. Он хотел остаться чистым, чтобы принести своей жене ту же душевную и телесную чистоту, какую ожидал найти в ней. Про себя он называл это – вести нравственную жизнь. Он несколько раз был влюблен до того, как поцеловал миссис Эллиот, и рано или поздно сообщал каждой девушке, что до сих пор хранит целомудрие. После этого почти все они переставали им интересоваться. Его поражало и прямо-таки приводило в ужас, как это девушки решались на помолвку и даже на брак с мужчинами, зная, какому разврату они предавались до женитьбы. Однажды он попробовал отговорить знакомую девушку от брака с человеком, который, как он знал почти наверняка, вел распутный образ жизни в студенческие годы, и это привело к очень неприятному инциденту.

Миссис Эллиот звали Корнелия. Она захотела, чтобы он называл ее Калютина, как ее прозвали на Юге, в семье. Его мать расплакалась, когда он после свадьбы привез Корнелию к ней в гости, но, узнав, что они будут жить за границей, сразу повеселела.

Когда он сообщил Корнелии, что оставался невинным в ожидании ее, она сказала: «Мой милый, дорогой мальчик» – и обняла его крепче обычного. Корнелия тоже была невинна. «Поцелуй меня так еще раз», – сказала она.

Хьюберт объяснил ей, что об этом способе целоваться ему рассказал один приятель. Он был в восторге от своего открытия, и они совершенствовались, насколько было возможно.

Иногда, после того как они долго целовались, Корнелия просила его еще раз повторить ей, что он действительно оставался невинным в ожидании ее. Это признание неизменно придавало ей сил.

Сначала Хьюберту не приходило в голову жениться на Корнелии. Он никогда не думал о ней как о женщине. Они были просто друзьями; а потом как-то вечером они танцевали под граммофон в маленькой комнате позади кафе, пока за кассой сидела ее подруга, и она посмотрела ему в глаза, и он поцеловал ее. Он так и не мог потом припомнить, когда именно было решено, что они поженятся. Но они поженились.

Ночь после свадьбы они провели в Бостоне, в отеле. Оба ожидали большего, но в конце концов Корнелия уснула. Хьюберт не мог уснуть и несколько раз вставал и ходил взад и вперед по коридору отеля в новом егеровском халате, который он купил для свадебного путешествия. Он смотрел на бесконечные пары ботинок – маленьких туфель и больших штиблет, – выставленных за двери номеров. От этого сердце у него забилося, и он поспешил к себе в номер, но Корнелия спала. Ему не захотелось будить ее, и скоро все снова пришло в порядок, и он мирно заснул.

На следующий день они были с визитом у его матери, а еще через день отплыли в Европу. Теперь они имели возможность подумать о ребенке, но Корнелия не особенно часто была расположена к этому, хотя они желали ребенка больше всего на свете. Они высадились в Шербуре и приехали в Париж. В Париже они тоже старались иметь ребенка. Потом они решили поехать в Дижон, где открылся летний университет и куда поехали многие из тех, кто был с ними на пароходе. В Дижоне, как выяснилось, нечего было делать. Впрочем, Хьюберт писал очень много стихов, а Корнелия печатала их на машинке. Все стихи были очень длинные. Он очень строго относился к опечаткам и заставлял ее переписывать заново целую страницу, если на ней была хоть одна опечатка. Она часто плакала, и до отъезда из Дижона они несколько раз старались иметь ребенка.

Они вернулись в Париж, и многие из их знакомых по пароходу тоже вернулись туда. Дижон им надоел, к тому же они теперь получили возможность рассказывать, что, окончив курс в Гарвардском, или в Колумбийском, или в Уобашском университете, они слушали лекции в Дижоне, департамент Кот-д'Ор. Многие из них предпочли бы поехать в Лангедок, Монпелье или Перпиньян, если только там есть университеты. Но все это слишком далеко. Дижон всего в четырех с половиной часах езды от Парижа, и в поезде есть вагон-ресторан.

Так и случилось, что все они несколько дней ходили в кафе «Дю Дом», избегая показываться в «Ротонде» напротив, потому что там всегда полно иностранцев, а потом Эллиоты, по объявлению в «Нью-Йорк геральд», сняли *château*²⁰ в Турени. Эллиот успел приобрести много друзей, восхищавшихся его стихами, а миссис Эллиот уговорила его выписать из Бостона ее подругу, которая работала с нею в кафе. С приездом подруги миссис Эллиот заметно повеселела, и они не раз всплакнули вдвоем. Подруга была на несколько лет старше Корнелии и называла ее «крошка». Она тоже была южанка родом, из очень старинной семьи.

Они трое и еще несколько друзей Эллиота, называвших его Хьюби, поехали вместе в туреньский *château*. Турень оказалась плоской, жаркой равниной, очень напоминавшей Канзас. У Эллиота к этому времени накопилось стихов почти на целый томик. Он собирался выпустить его в Бостоне и уже послал издателю чек и заключил с ним договор.

Скоро друзья один за другим потянулись в Париж. Турень не оправдала надежд, которые на нее возлагали. Через некоторое время все друзья уехали в приморский курорт близ Трувиля с одним молодым поэтом, богатым и холостым. Там все они были очень счастливы.

Эллиот остался в туреньском *château*, потому что он снял его на все лето. Они с миссис Эллиот очень старались иметь ребенка, когда спали в большой жаркой спальне на большой

²⁰ Замок (фр.)

жесткой кровати. Миссис Эллиот училась писать на машинке по слепой системе, и оказалось, что хотя писать так быстрее, но опечаток получается больше. Почти все рукописи теперь переписывала подруга. Она работала очень аккуратно и быстро, и это занятие, видимо, доставляло ей удовольствие.

Эллиот стал пить много белого вина и перебрался в отдельную спальню. По ночам он писал стихи, и утром вид у него бывал утомленный. Миссис Эллиот и ее подруга теперь спали вместе на большой средневековой кровати. Они всласть поплакали вдвоем. Вечером они все вместе обедали в саду под платаном; дул горячий вечерний ветер, Эллиот пил белое вино, миссис Эллиот и подруга разговаривали, и все они были вполне счастливы.

Глава десятая

Белого коня хлестали по ногам, пока он не поднялся на колени. Пикадор расправил стремени, подтянул подпругу и вскочил в седло. Внутренности коня висели голубым клубком и болтались взад и вперед, когда он пустился галопом, подгоняемый моно, которые хлестали его сзади прутьями по ногам. Судорожным галопом он проскакал вдоль барьера. Потом сразу остановился, и один из моно взял его под уздцы и повел вперед. Пикадор вонзил шпоры, пригнулся и погрозил быку пикой. Кровь была струей из раны между передними ногами коня. Он дрожал и шатался. Бык никак не мог решить, стоит ли ему нападать.

Кошка под дождем

В отеле было только двое американцев. Никого из тех, с кем встречались на лестнице, покидая номер или возвращаясь в него, они не знали. Их комната располагалась на третьем этаже и выходила окнами на море. Из окон был виден также городской парк и памятник войнам. В парке росли большие пальмы и стояли зеленые скамейки. В хорошую погоду там всегда можно было увидеть какого-нибудь художника с мольбертом. Художникам нравилось, как росли пальмы, и нравились яркие фасады отелей, обращенные к парку и морю. Итальянцы приезжали издалека посмотреть на военный монумент. Он был сделан из бронзы и блестел под дождем. Как раз шел дождь. Дождевые капли стекали с пальмовых листьев. На гравийных дорожках вода стояла в лужицах. В пелене дождя длинная кромка моря преломлялась, то отступая от берега, то возвращаясь. Все машины разъехались с площади перед монументом. На противоположной стороне в дверях кафе скучал официант, глядя на пустую площадь.

Американка стояла у окна и смотрела на улицу. Прямо внизу, под одним из зеленых столиков, с которых струилась вода, свернувшись, пряталась кошка. Кошка старалась сжаться как можно плотнее, чтобы уберечься от капель.

– Спустишь заберу киску, – сказала американка.

– Давай я спушись, – отозвался с кровати муж.

– Не надо, я сама. Бедная кошечка, как она старается не намочнуть.

Муж не отрывался от книги, полулежа головой к окну на высоко подоткнутых подушках.

– Смотри сама не промокни, – сказал он.

Женщина спустилась по лестнице, хозяин гостиницы встал и поклонился ей, когда она проходила через вестибюль. Его конторка находилась в дальнем конце вестибюля. Хозяин был старым и очень высоким.

– Il piove²¹, – сказала американка. Ей был симпатичен хозяин отеля.

– Sì, sì, signora, brutto tempo²². Очень плохая погода.

Он стоял за своей конторкой в дальнем конце тускло освещенного вестибюля. Американке он нравился. Ей нравилась искренняя серьезность, с какой он выслушивал любые жалобы. Ей нравилось его чувство собственного достоинства. Ей нравилась его несуетная услужливость. Ей нравилось, как он осознает себя хозяином в гостинице. Ей нравились массивное лицо старика и его крупные руки.

Размышляя об этом, она открыла дверь и высунулась наружу. Дождь усилился. Мужчина в прорезиненном плаще направлялся в кафе через безлюдную площадь. Кошка должна была быть где-то поблизости справа. Вероятно, до нее можно дойти, прячась под карнизом. Пока

²¹ Дождь идет (*ит.*).

²² Да, да, синьора, ужасная погода (*ит.*).

американка стояла в дверях, над ее головой раскрылся зонтик. Это была горничная, убиравшая их номер.

– Чтобы вы не промокли, – с улыбкой сказала она по-итальянски. Несомненно, ее послал хозяин.

Под зонтом, который держала над ней горничная, американка пошла по гравиевой дорожке, пока не очутилась под окном своего номера. Стол стоял на месте, вымытый дождем, ярко-зеленый, но кошка исчезла. Американка вдруг очень расстроилась. Горничная взглянула на нее.

– На *perduto qualche cosa, signora?*²³

– Здесь была кошка, – сказала молодая американка.

– Кошка?

– *Si, il gatto*²⁴.

– Кошка? – Горничная рассмеялась. – Кошка под дождем?

– Да, – сказала американка, – вот под этим столом. – И добавила: – О, я так хотела ее взять. Мне хотелось киску.

Поскольку она говорила по-английски, лицо горничной напряглось.

– Пойдемте, синьора, – сказала она. – Лучше вернуться в дом. Вы промокнете.

– Да, пожалуй, – сказала американка.

Они прошли обратно по гравиевой дорожке и вошли в дом. Горничная задержалась на пороге, чтобы сложить зонтик. Когда американка проходила по вестибюлю, *padrone*²⁵ поклонился ей из-за конторки. Какой-то маленький плотный комок сжался у нее внутри. Под взглядом хозяина она почувствовала себя совсем маленькой, но в то же время по-настоящему значительной. На миг она испытала ощущение собственной величайшей значимости. Она прошла вверх по лестнице и открыла дверь своего номера. Джордж по-прежнему читал, лежа на кровати.

– Принесла кошку? – спросил он, откладывая книгу.

– Она ушла.

– Интересно, куда? – сказал он, давая глазам отдых от чтения.

Она села на край кровати.

– Я так хотела ее взять, – сказала она. – Не знаю, почему мне так этого хотелось. Хотелось эту бедную киску. Невесело несчастной кошке под дождем.

Джордж уже снова был погружен в чтение.

Она прошла к туалетному столику и села перед зеркалом, разглядывая себя в нем с помощью другого, ручного зеркальца. Она изучила себя в профиль, сначала слева, потом справа. Потом стала внимательно рассматривать затылок и шею.

– Тебе не кажется, что мне бы пошли длинные волосы, может, отпустить? – спросила она, снова вглядываясь в свой профиль.

Джордж поднял голову и посмотрел на ее затылок, остриженный коротко, как у мальчика.

– Мне нравится так, как сейчас.

– А мне надоело, – сказала она. – Мне так надоело выглядеть, как мальчишка.

Джордж, не вставая с кровати, переменял позу. Он не сводил с нее взгляда с тех пор, как она начала говорить.

– Ты сегодня чертовски мило выглядишь, – сказал он.

Она положила зеркальце на столик, прошла к окну и посмотрела наружу. Темнело.

²³ Синьора, вы что-то потеряли? (*ит.*)

²⁴ Да, кошка (*ит.*).

²⁵ Хозяин (*ит.*).

– Хочу гладко стянуть волосы на затылке и собрать в узел, чтобы чувствовать их тяжесть, – сказала она. – Хочу, чтобы на коленях у меня сидела кошечка и мурлыкала, когда я ее глажу.

– Гм, – отозвался с кровати Джордж.

– И хочу есть за столом, сервированным моим собственным серебром, и чтобы горели свечи. И хочу, чтобы была весна и чтобы я сидела перед зеркалом и расчесывала свои длинные распущенные волосы, и хочу кошечку, и хочу новое платье.

– Слушай, помолчи, возьми лучше что-нибудь почитай, – сказал Джордж. Он снова углубился в чтение.

Его жена смотрела в окно. Было уже почти темно, и в пальмах по-прежнему шелестел дождь.

– Во всяком случае, я хочу кошку, – сказала она. – Хочу кошку. Хочу кошку прямо сейчас. Если уж нельзя иметь длинные волосы и нельзя, чтобы стало весело, то уж кошку-то по крайней мере можно?

Джордж ее не слушал. Он читал книгу. Его жена смотрела на площадь, где начали зажигаться фонари.

Кто-то постучал в дверь.

– *Avanti*²⁶, – сказал Джордж, оторвавшись от книги.

На пороге стояла горничная. Она прижимала к себе огромную пеструю кошку, которая покорно свисала с ее рук.

– Простите, – сказала она. – Хозяин велел отнести это синьоре.

²⁶ Войдите (*ит.*).

Глава одиннадцатая

Толпа кричала не переставая и со свистом и гиканьем бросала на арену корки хлеба, фляги, подушки. В конце концов бык устал от стольких неточных ударов, согнул колени и лег на песок, и один из куадрильи наклонился над ним и убил его ударом пунтильо. Толпа бросилась через барьер и окружила матадора, и два человека схватили его и держали, и кто-то отрезал ему косичку и размахивал ею, а потом один из мальчишек схватил ее и убежал. Вечером я видел матадора в кафе. Он был маленького роста, с темным лицом, и он был совершенно пьян. Он говорил: «В конце концов, со всяким может случиться. Ведь я не какая-нибудь знаменитость».

Не в сезон

За четыре лиры, что заработал, вскопав землю в гостиничном саду, Педуцци напился. Увидев молодого человека, идущего по тропинке, он посеCRETничал с ним. Молодой человек сказал, что еще не ел, но охотно пойдет с ним, как только позавтракает. Минут через сорок – час.

В погребке у моста Педуцци налили в долг еще три стаканчика граппы, уж очень уверенно и загадочно он говорил о предстоящей ему сегодня работе. День был ветреный, солнце то выглядывало из-за облаков, то пряталось снова, и начинал накрапывать дождь. Прекрасный день для ловли форели.

Молодой человек вышел из отеля и спросил насчет удочек. Надо ли, чтобы его жена с удочками держалась позади?

– Да, – сказал Педуцци, – пусть следует в отдалении.

Молодой человек вернулся в отель и поговорил с женой. Потом они с Педуцци двинулись по дороге. На плече у молодого человека висела холщовая сумка. Педуцци видел, как женщина в горных ботинках и синем берете, такая же молодая на вид, как ее муж, направилась за ними, неся в каждой руке по разобранной удочке. Педуцци не понравилось, что она идет так далеко позади.

– Синьорина, – позвал он, подмигнув молодому человеку, – идите сюда, пойдем вместе. Синьора, ближе, пойдемте рядом.

Педуцци хотелось, чтобы они втроем прошли по главной улице Кортины.

Женщина с весьма угрюмым видом продолжала держаться поодаль.

– Синьорина, – ласково позвал Педуцци, – идите к нам.

Молодой человек оглянулся и что-то крикнул жене. Та ускорила шаг и нагнала их.

Всех, кто встречался на пути, пока они шли по главной улице, Педуцци церемонно приветствовал.

– Buon' di, Arturo! – Он слегка касался шляпы пальцами.

Банковский служащий уставился на него из дверей кафе, где собирались фашисты. Точно так же глазели на троицу люди, по трое-четверо стоявшие перед дверями магазинов. Рабочие в покрытых строительной пылью спецовках, трудившиеся на закладке нового отеля, проводили их взглядами. Никто с ними не заговорил, не подал никакого знака, кроме городского попрощайки, тощего старика со слипшейся от слюны бородой, который приподнял шляпу, когда они проходили мимо.

Педуцци остановился у витрины винного магазина и достал из внутреннего кармана затрепанной шинели пустую бутылку из-под граппы.

– Немного винца, глоток марсалы для синьоры, самую малость чего-нибудь выпить. – Он размахивал пустой бутылкой. Замечательный выдался день. – Марсалы... Вы любите марсалу, синьорина? Чутьочку марсалы, а?

Женщина продолжала хмуриться.

– Ты еще пожалеешь, что с ним связался, – сказала она. – Я ни слова не понимаю из того, что он лопочет. Он же пьян, ты что, не видишь?

Молодой человек делал вид, что не слышит Педуцци. Черт, далась ему эта марсала, думал он. Кажется, это то, что обожает Макс Бирбом.

– Geld²⁷. – Педуцци от нетерпения дернул молодого человека за рукав. – Лирь.

Он улыбался, чтобы не показаться излишне назойливым, но был твердо намерен заставить молодого человека действовать.

Молодой человек достал бумажник и выдал ему банкноту в десять лир. Педуцци взбежал на крыльцо «Фирменного магазина отечественных и импортных вин». Дверь оказалась заперта.

– Они открываются в два, – презрительно бросил какой-то прохожий. Педуцци спустился обратно по ступенькам. Он чувствовал себя обиженным. Ладно, сказал он, достанем в «Конкордии».

Шествуя рядом, плечом к плечу, они отправились в «Конкордию». На крыльце «Конкордии», где штабелем были сложены ржавые полозья, молодой человек спросил:

– Was wollen sie?²⁸

Педуцци вернул ему многожды сложенную десятилировую банкноту.

– Ничего, – сказал он. – Вернее, чего угодно. – Он был растерян. – Может, марсалы? Не знаю даже. Марсалы, наверно...

Дверь «Конкордии» закрылась за молодым человеком и его женой.

– Три марсалы, – сказал молодой человек стоявшей за прилавком девушке.

– Вы хотите сказать – две? – уточнила та.

– Нет, – сказал он, – три, одну – для vecchio²⁹.

– Ах, для vecchio, – рассмеялась она, доставая бутылку. Она налила в три стаканчика мутную на вид жидкость. Жена молодого человека сидела за столиком у стены, вдоль которой на рейках были развешаны газеты. Молодой человек поставил перед ней один стаканчик.

– Выпей-ка ты тоже, – сказал он. – Может, повеселеешь.

Женщина продолжала сидеть, уставившись теперь на стакан. Молодой человек вынес третий стакан Педуцци, но не увидел его.

– Не знаю, куда он делся, – сказал он, вернувшись в кондитерскую с полным стаканом.

– Ему нужно квартиру этого пойма, – сказала жена.

– Сколько стоит четверть литра? – спросил продавщицу молодой человек.

– Белого? Одна лира.

– Нет, марсалы. И это туда же влейте, – сказал он, передавая ей свой стаканчик и тот, что предназначался Педуцци. Девушка отмерила через воронку четверть литра. – И бутылку, мы возьмем это с собой, – сказал молодой человек.

Девушка пошла искать бутылку. Все это ее забавляло.

– Мне очень жаль, что у тебя такое поганое настроение, Тайни, – сказал он. – Прости, что завел за завтраком тот разговор. Просто мы по-разному смотрим на одни и те же вещи.

– Не важно, – сказала она. – Мне это безразлично.

– Тебе не холодно? – спросил он. – Надо было надеть еще один свитер.

– На мне и так уже три.

Девушка вернулась с очень узкой коричневой бутылкой и перелила в нее марсалу. Молодой человек дал ей еще пять лир, и они вышли. Продавщица была приятно удивлена. Педуцци с удочками в руках прогуливался взад-вперед в дальнем конце улицы, где было не так ветрено.

²⁷ Деньги (нем.).

²⁸ Чего вы хотите? (нем.)

²⁹ Старик (ит.).

– Пошли, – сказал он. – Я понесу удочки. Не беда, если кто увидит. Нас никто не тронет. Тут, в Кортине, меня никто не тронет. Я всех знаю в *município*³⁰. Я ведь был солдатом. Здесь, в городе, меня все любят. Я торгую лягушками. Что с того, что рыбная ловля запрещена? Ерунда. Наплевать. Никаких проблем. Говорю же вам, форель здесь крупная и ее полно.

Они спускались к реке по склону холма. Город остался у них за спиной. Солнце снова скрылось, моросил дождь.

– Вон, – сказал Педуцци, указывая на девушку, стоявшую в дверях дома, мимо которого они проходили, – это *meine Tochter*³¹.

– Его доктор? – переспросила жена молодого человека. – Он что, собирается познакомить нас со своим доктором?

– Он сказал: дочь, – пояснил муж.

Девушка, как только Педуцци показал на нее пальцем, вошла в дом.

Спустившись с холма, они пересекли поле и пошли вдоль берега. Педуцци тараторил без умолку, то и дело многозначительно подмигивая. Пока они шли так, рядом, ветер доносил до женщины запах перегара изо рта Педуцци. Однажды он даже ткнул ее локтем в бок. Он говорил то на диалекте д'Ампеццо, то переходил на тирольский немецкий, поскольку не мог сообразить, который из них молодой человек и его жена понимают лучше. Но после того, как молодой человек сказал: «*Ja, Ja*»³², решил остановиться на тирольском. Молодой человек и его жена ничего не понимали.

– Каждая собака в городе видела нас с этими удочками. Возможно, за нами уже следует рыбоохранная полиция. Зря мы в это впутались. К тому же старый дурак в стельку пьян.

– А вернуться назад у тебя, конечно, духу не хватает, – сказала жена. – Ты уж пойдешь теперь до конца.

– Почему бы тебе не вернуться одной? Возвращайся, Тайни.

– Нет уж, я останусь с тобой. По крайней мере, если тебя посадят, будем сидеть вместе.

Они круто свернули к воде, и Педуцци остановился, его шинель развевалась на ветру, он указывал рукой на воду. Вода была бурой и мутной. Справа на берегу лежала куча мусора.

– Повторите по-итальянски, – сказал молодой человек.

– *Un' mezz' ora. Piu d'un' mezz' ora*³³.

– Он говорит, что идти еще полчаса, не меньше. Возвращайся, Тайни. Ты и так уже замерзла на этом ветру. Все равно день испорчен, удовольствия в любом случае не предвидится.

– Ладно, – сказала она и начала карабкаться вверх по заросшему травой крутому берегу.

Педуцци был уже внизу, у самой воды, и заметил женщину лишь тогда, когда она переваливала за гребень холма.

– Фрау! – закричал он. – Фрау! Фройляйн! Не уходите.

Женщина скрылась за холмом.

– Ушла! – сказал Педуцци. Он был огорчен.

Сняв резинки, стягивавшие детали, он начал собирать одну из удочек.

– Вы же сказали, что идти еще полчаса.

– Ну да. Там, в получасе ходьбы, хорошо. Но и здесь неплохо.

– В самом деле?

– Разумеется. И тут хорошо, и там хорошо.

³⁰ Муниципалитет (*ит.*).

³¹ Моя дочка (*нем.*).

³² Да, да (*нем.*).

³³ Полчаса. Больше полчаса (*ит.*).

Молодой человек уселся на землю, собрал другую удочку, приладил катушку и протянул леску через петли. Он чувствовал себя не в своей тарелке, опасаясь, что в любую минуту может появиться егерь или из города нагрянет отряд местных жителей. Поверх холма он видел городские строения и колокольню. Он открыл ящичек со снастями. Педуцци перегнулся, засунул в него свои расплющенные загрубелые пальцы – большой и указательный – и стал рыться ими во влажных поводках для снасти.

– А грузило есть?

– Нет.

– Ну как же так? – взволнованно сказал Педуцци. – Надо иметь грузило. *Piombo*³⁴. Маленький кусочек *piombo*. Вот тут, как раз над крючком, иначе наживка будет плавать на поверхности. Вы должны иметь его. Просто маленький кусочек *piombo*.

– А у вас есть?

– Нет. – Он лихорадочно шарил по карманам шинели, ощупывая мусор, застрявший в подкладке. – Нету, ни кусочка. А без *piombo* никак.

– Значит, удить нельзя, – сказал молодой человек и принялся разбирать удочку, наматывая леску обратно на катушку. – Что ж, достанем *piombo* и порыбачим завтра.

– Но послушайте, *caro*, у вас должен быть *piombo*, без него никак нельзя, леска будет плавать на поверхности. – Столь многообещающе для Педуцци начавшийся день меркнул прямо на его глазах. – У вас должен быть *piombo*. Хватит и крохотного кусочка. Снасти у вас чистенькие, новенькие, а грузила нет. Знал бы – я бы принес. Так вы же сказали, что у вас все есть.

Молодой человек смотрел на реку, обесцвеченную талой водой.

– Ничего, – повторил он, – раздобудем *piombo* и порыбачим завтра.

– Утром? Скажите, во сколько?

– В семь.

Проглянуло солнце. Было тепло и приятно. Молодой человек почувствовал облегчение. Он больше не нарушал закон. Усевшись на берегу, он достал из кармана бутылку марсалы и протянул ее Педуцци. Педуцци отпил и вернул бутылку. Молодой человек сделал глоток и снова отдал бутылку Педуцци. Педуцци – ему.

– Пейте, – сказал он. – Это ваша марсала.

Сделав еще глоток, молодой человек отдал бутылку Педуцци. Тот все время пристально наблюдал за ней. Быстро схватив бутылку, он запрокинул голову и стал пить не отрываясь. Седые волосики в складках шеи при каждом глотке двигались взад-вперед, глаза были устремлены на доньшко узкой коричневой бутылки. Он выпил все. Пока он пил, светило солнце. Все было прекрасно. В конце концов день таки удался. Чудесный день.

– *Senta, caro!*³⁵ Значит, завтра в семь утра? – Он несколько раз назвал молодого человека «*caro*» – и ничего, сошло. Отличная была марсала. Глаза у Педуцци блестели. Впереди было еще много таких дней. А начнется все завтра, в семь утра.

Они стали подниматься по склону, направляясь обратно в город. Молодой человек шагал первым. Он ушел уже далеко вперед и был почти на вершине холма. Педуцци окликнул его:

– Послушайте, *caro*, не пожалеете ли пять лир за услуги?

– Сегодняшние? – хмуро спросил молодой человек.

– Нет, не за сегодняшние. Дайте сегодня – за завтра. Я обеспечу на завтра все, что нужно. *Pane, salami, formaggio*³⁶ – хорошую еду для всех нас. Для вас, для меня, для синьоры. И наживку – мальков, не только червей. Может, и марсалы немного раздобуду. И все за пять лир. Всего пять лир, синьор, а? Пожалуйста.

³⁴ Свинец (*ит.*).

³⁵ Слушай, дорогой! (*ит.*)

³⁶ Хлеб, колбаса, сыр (*ит.*).

Молодой человек порылся в бумажнике и достал банкноту в две лиры и две – по одной.

– Благодарю вас, саго. Благодарю вас, – сказал Педуцци тем тоном, каким один член Карлтон-клуба благодарит другого за переданную «Morning Post». Вот это жизнь! Хватит ему ковырять вилами мерзлый навоз в гостиничном саду.

– До утра, саго! Ровно в семь, – сказал он, похлопав молодого человека по спине. – Без опозданий.

– Возможно, я не приду, – сказал молодой человек, засовывая бумажник обратно в карман.

– Как? – сказал Педуцци. – У меня же будут мальки, синьор. Колбаса и все такое прочее. Вы, я и синьора. Втроем.

– Возможно, я не приду, – повторил молодой человек. – Скорее всего – нет. Загляните в контору отеля, я предупрежу padrone³⁷.

³⁷ Хозяин (ит.).

Глава двенадцатая

Если это происходило близко от барьера и против вашего места на трибуне, то хорошо было видно, как Виляльта дразнит быка и вызывает его, и когда бык кидался, Виляльта, не трогаясь с места, отклонялся назад, точно дуб под ударом ветра, плотно сдвинув ноги, низко опустив мулету и отводя шпагу за спину. Потом он кричал на быка, хлопал перед ним мулетой и снова, когда бык кидался, не трогаясь с места, поднимал мулету и, отклонившись назад, описывал мулетой дугу, и каждый раз толпа редела от восторга.

Когда наступало время для последнего удара, все происходило в одно мгновение. Разъяренный бык, стоя прямо против Виляльты, не спускал с него глаз. Виляльта одним движением выхватывал шпагу из складок мулеты и, направив ее, кричал быку: «Торо! Торо!» – и бык кидался, и Виляльта кидался, и на один миг они сливались воедино. Виляльта сливался с быком, и все было кончено. Виляльта опять стоял прямо, и красная рукоятка шпаги торчала между лопатками быка. Виляльта поднимал руку, приветствуя толпу, а бык не спускал с него глаз, редел, захлебываясь кровью, и ноги его подгибались.

Кросс по снегу

Фуникулер еще раз дернулся и остановился. Он не мог идти дальше, путь был сплошь занесен снегом. Ветер начисто подмел открытый склон горы, и поверхность снега смерзлась в оледенелый наст. Ник в багажном вагоне натер свои лыжи, сунул носки башмаков в металлические скобы и застегнул крепление. Он боком прыгнул из вагона на твердый наст, выровнял лыжи и, согнувшись и волоча палки, понесся вниз по скату.

Впереди на белом просторе мелькал Джордж, то исчезая, то появляясь и снова исчезая из виду. Когда, внезапно попав на крутой изгиб склона, Ник стремительно полетел вниз, в его сознании не осталось ничего, кроме чудесного ощущения быстроты и полета. Он въехал на небольшой бугор, а потом снег начал убежать из-под его лыж, и он понесся вниз, вниз, быстрее, быстрее, по последнему крутому спуску. Согнувшись, почти сидя на лыжах, стараясь, чтобы центр тяжести пришелся как можно ниже, он мчался в туче снега, словно в песчаном вихре, и чувствовал, что скорость слишком велика. Но он не замедлил хода. Он не сдаст и удержится. Потом он попал на рыхлый снег, оставленный ветром в выемке горы, не удержался и, гремя лыжами, полетел кубарем, точно подстреленный кролик, потом зарылся в сугроб, ноги накрест, лыжи торчком, набрав полные уши и ноздри снега.

Джордж стоял немного ниже, ладонями сбивая снег со своей куртки.

– Высокий класс, Ник! – крикнул он. – Это чертова выемка виновата. Она и меня подвела.

– А как там, дальше? – Ник, лежа на спине, выровнял лыжи и встал.

– Нужно все время забирать влево. Спуск хороший, крутой. Внизу сделаешь христианию – там изгородь.

– Подожди минутку, съедем вместе.

– Нет, ты ступай вперед. Я люблю смотреть, как ты съезжаешь.

Ник Адамс проехал мимо Джорджа, – на его широких плечах и светлых волосах осталось немного снега, – потом лыжи Ника заскользили, и он ухнул вниз, окутанный свистящей снежной пылью, взлетая и падая, вверх, вниз по волнистому склону. Он все время забирал влево, и к концу, когда он летел прямо на изгородь, плотно сжав колени и изогнув туловище, он, в туче снега, сделал крутой поворот вправо и, сбавляя ход, проехал между склоном горы и проволочной изгородью.

Он взглянул вверх. Джордж съезжал, готовясь к повороту телемарк, выдвинув вперед согнутую в колене ногу и волоча другую; палки висели, словно тонкие ножки насекомого,

и, задевая снег, взбивали комочки снежного пуха; и наконец, почти скрытый тучами снега, скорчившись, выбросив одну ногу вперед, вытянув другую назад, отклонив туловище влево, он описал четкую красивую кривую, подчеркивая ее блестящими остриями палок.

– Я не решился на христианую, – сказал Джордж. – Слишком глубокий снег. А ты отлично съехал.

– С моей ногой нельзя делать телемарк, – сказал Ник.

Ник лыжей прижал верхнюю проволоку, и Джордж проехал через изгородь. Ник вслед за ним выехал на дорогу. Они шли, слегка согнув колени, по дороге, проложенной в сосновом бору. Здесь возили лес, и накатанный полозьями лед был в оранжевых и табачно-желтых пятнах от конской мочи. Лыжники держались полосы снега на обочине. Дорога круто спускалась к ручью и затем почти отвесно поднималась в гору. Сквозь деревья им виден был длинный облезлый дом с широкими стрехами. Издали он выглядел сплошь блекло-желтым. Вблизи оконные рамы оказались зелеными. Краска лупилась. Ник палкой расстегнул зажим и сбросил лыжи.

– Лучше понесем их, – сказал он.

Он стал карабкаться по крутой дорожке с лыжами на плече, пробивая ледяную кору шипами каблука. Он слышал за спиной дыхание Джорджа и треск льда под его каблуками. Они прислонили лыжи к стене гостиницы, обмахнули друг друга штаны, потоптались, стряхивая с башмаков снег, и вошли в дом.

Внутри было почти темно. В углу комнаты поблескивала большая изразцовая печь. Потолок был низкий. Вдоль стен стояли гладкие деревянные скамьи и темные, в винных пятнах, столы. У самой печки, покуривая трубку, потягивая мутное молодое вино, сидели два швейцарца. Лыжники сняли куртки и сели у стены по другую сторону печки. Голос, певший в соседней комнате, умолк, и в комнату вошла служанка в синем переднике и спросила, что им подать.

– Бутылку сионского, – сказал Ник. – Согласен, Джорджи?

– Можно, – сказал Джордж. – В этом ты больше понимаешь. Я всякое вино люблю.

Служанка вышла.

– Нет ничего лучше лыж, правда? – сказал Ник. – Знаешь это ощущение, когда начинаешь съезжать по длинному спуску.

– Да! – сказал Джордж. – Так хорошо, что и сказать нельзя.

Служанка принесла вино, и они никак не могли откупорить бутылку. Наконец Ник вытащил пробку. Служанка вышла, и они услышали, как она в соседней комнате запела по-немецки.

– Кусочки пробки попали. Ну, не беда, – сказал Ник.

– Как ты думаешь, есть у них какое-нибудь печенье?

– Сейчас спросим.

Служанка вошла, и Ник заметил, что у нее под передником обрисовывается круглый живот. «Странно, – подумал он, – как это я сразу не обратил внимания, когда она вошла».

– Что это вы поете? – спросил он.

– Это из оперы, из немецкой оперы. – Она явно не желала продолжать разговор. – У нас есть яблочная слойка, если хотите.

– Не очень-то она любезна, – сказал Джордж.

– Что ж ты хочешь? Она нас не знает и, наверно, подумала, что мы хотим посмеяться над ее пением. Она, должно быть, оттуда, где говорят по-немецки, и она стесняется, что она здесь. Да тут еще беременность, а она не замужем, вот и стесняется.

– Откуда ты знаешь, что она не замужем?

– Кольца нет. Да здесь ни одна девушка не выходит замуж, пока не пройдет через это.

Дверь отворилась, и в клубах пара, топя облепленными снегом сапогами, вошла партия лесорубов. Служанка принесла им три бутылки молодого вина, и они, сняв шляпы, заняли оба стола и молча покуривали трубки, кто прислонясь к стене, кто облокотившись на стол. Время

от времени, когда лошади, запряженные в деревянные сани, встряхивали головой, снаружи доносилось резкое звяканье колокольчиков.

Джордж и Ник чувствовали себя отлично. Они очень любили друг друга. Они знали, что впереди еще весь долгий обратный путь.

– Когда тебе нужно возвращаться в университет? – спросил Ник.

– Сегодня вечером, – ответил Джордж. – Мне надо поспеть на поезд десять сорок из Монтре.

– Хорошо бы ты остался, мы бы завтра махнули на Дан-дю-Лис.

– Я должен закончить свое образование, – сказал Джордж. – А что, Ник, если бы нам пошатаваться вдвоем? Захватить лыжи и поехать поездом, сойти, где хороший снег, и идти куда глаза глядят, останавливаться в гостиницах, пройти насквозь Оберланд, и Вале, и Энгадин, а с собой взять только сумку с инструментами да положить в рюкзак запасной свитер и пижаму, и к черту учење и все на свете!

– И еще пройти через весь Шварцвальд. Ух, и места же!

– Это где ты рыбу ловил прошлым летом?

– Да.

Они съели слойку и допили вино.

Джордж прислонился к стене и закрыл глаза.

– Вино всегда так на меня действует, – сказал он.

– Тебе плохо? – спросил Ник.

– Нет, мне хорошо, только чудно как-то.

– Понимаю, – сказал Ник.

– Ну да, – сказал Джордж.

– Закажем еще бутылочку? – спросил Ник.

– Нет, довольно, – сказал Джордж.

Они еще посидели. Ник – облокотившись на стол. Джордж – прислонясь к стене.

– Что, Эллен ждет ребенка? – спросил Джордж, отделившись от стены и тоже ставя локти на стол.

– Да.

– Скоро?

– В конце лета.

– Ты рад?

– Да. Теперь рад.

– Вы вернетесь в Штаты?

– Очевидно.

– Тебе хочется?

– Нет.

– А Эллен?

– Тоже нет.

Джордж помолчал. Он смотрел на пустую бутылку и на пустые стаканы.

– Скверно, да? – спросил он.

– Нет, ничего, – ответил Ник.

– Так как же?

– Не знаю, – сказал Ник.

– Ты с ней будешь ходить на лыжах в Штатах?

– Не знаю.

– Там горы неважные, – сказал Джордж.

– Неважные, – сказал Ник. – Слишком скалистые. И слишком много лесу. И потом, они очень далеко.

– Верно, – сказал Джордж, – во всяком случае, в Калифорнии так.

– Да, – сказал Ник, – повсюду так, где мне приходилось бывать.

– Верно, – сказал Джордж, – повсюду так.

Швейцарцы встали из-за стола, расплатились и вышли.

– Жаль, что мы не швейцарцы, – сказал Джордж.

– У них у всех зоб, – сказал Ник.

– Не верю я этому.

– И я не верю.

Они засмеялись.

– А что, Ник, если нам с тобой никогда больше не придется вместе ходить на лыжах? – сказал Джордж.

– Этого быть не может, – сказал Ник. – Тогда не стоит жить на свете.

– Непременно пойдем, – сказал Джордж.

– Иначе быть не может, – подтвердил Ник.

– Хорошо бы дать друг другу слово, – сказал Джордж.

Ник встал. Он наглухо застегнул свою куртку. Потом потянулся через Джорджа и взял прислоненные к стене лыжные палки. Он крепко всадил острие палки в половицу.

– А что толку давать слово, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.